

НОЯБРЬ 1922 ПОСЛЕ РАССЕЛЕНИЯ

КЕВ Император

Двойная система Мантикоры

Звездная Империя Мантикора

“Блик!”

Нимиц оглянулся через плечо, высоко подняв уши, зеленые глаза сияли триумфом, и Хонор покачала головой.

Вокруг них простиралось ярко освещенное пространство стрелкового тира "Императора". Тир был открыт для всех желающих в порядке живой очереди, вне регулярных плановых тренировок отряда морской пехоты, но когда Адмирал Харрингтон “запросила” его использование, все изменилось. Мало того, что она была Адмиралом, так еще и ее личный отряд охраны был... мягко говоря, недоволен тем, что ее окружают люди с оружием в руках. Это было особенно верно после смерти Тимоти Меерса, и майор Хоук ясно дал понять, что ей будет позволено находиться в тире только тогда, когда им больше никто не будет пользоваться. Учитывая тот факт, что Раф Кардонес поддержал непримиримость ее старшего оруженосца, с этим ничего нельзя было поделать.

И, к несчастью, она знала, что Хоук прав.

Таким образом, она и Нимиц получили весь тир в своё распоряжение, и одна из ее старомодных целей, - то, что когда-то называлось “мишень В7”, согласно ее источникам Общества творческих анахронизмов, - висела, разорванная в клочья, на расстоянии десяти метров. Импульсные дротики обычно оставляли очень маленькие дырочки, но поверхность мишени была покрыта умной пленкой, которая светилась ярко-красным там, где была пробита. В данный момент мишень выглядела как больная старомодной корью, критически подумала она. Там был десяток, - скорее десятки, на самом деле, - красных точек, разбросанных по ней, но не более чем небольшая горстка внутри восьмого кольца и только три внутри десятого.

“Это все еще... довольно плохо, Паршивец,” - сказала она своему пушистому спутнику.

Нимиц возмущенно прижал уши, и она фыркнула. Затем она нажала на кнопку, которая вывела вторую мишень рядом с первой, и подняла длиннотвольный трехмиллиметровый импульсный пистолет "Дескорсо", доставшийся ей в наследство от отца в день ее шестнадцатилетия. Военное оружие было сильно переделано, и ее отец изменил рукоятки, чтобы они подходили к ее рукам, когда передал ей его. Теперь пистолет лёг ей в руки так же естественно, как дыхание, и она подняла оружие двумя руками.

“Вот так,” - сказала она и нажала на спусковой крючок.

Он взвыл в полном автоматическом режиме, выпустив очередь из десяти зарядов примерно за 1,2 секунды, и десятизарядное кольцо во второй цели распалось на двухсантиметровую пропасть, окаймленную багрово-красной каймой. На бумаге не было больше ни одной дырки, и она посмотрела вниз на Нимица и усмехнулась, положив оружие обратно на стол перед собой.

“Блик.”

В этом звуке была какая-то нотка упрека, подумала она.

“Не так просто, как кажется,” - сказала она ему. “Я надеялась, что голографический прицел поможет, но, очевидно, нет. Итак, пришло время для плана Б.”

Она положила "Дескорсо" и взяла другой пульсер. Через несколько секунд работы с небольшим магнитным креплением она сняла громоздкий, - условно говоря, - голографический прицел, и отложила его в сторону. Ей потребовалось в два или три раза больше времени, чтобы прикрепить выбранную замену под стволом, и она дважды проверила свою работу, прежде чем снова посмотреть на кота.

“Я думаю, что мы приближаемся к концу наших возможностей, Паршивец,” - сказала она ему. “А теперь сосредоточиться.”

Он посмотрел на нее с отвращением, но кивнул, и она закрыла глаза.

Даже Альфред Харрингтон не смог вернуть Нимицу способность мысленно говорить. Он верил, что добился некоторого прогресса, но ему еще предстоял долгий путь. "Распределенный мозг" древесных котов был уникален в человеческом опыте, и даже сейчас никто по-настоящему не понимал, как работают его “передатчики” и “приемники”. Альфред разработал несколько моделей и был уверен, что одна из них верна. Проблема заключалась в том, чтобы выяснить, какая именно, а тем временем ущерб, нанесенный Нимицу, когда он и Хонор напали на охрану Государственной Безопасности на планете Энки, продолжал бросать вызов его лучшим усилиям.

Эти усилия были приостановлены - по причинам, которые Нимиц и Саманта понимали и принимали, - его возвращением на действительную службу в Бессингфорд. Тем временем древесные коты продолжали укреплять свою способность передавать изображения друг другу, используя неповрежденный эмпатический передатчик Нимица. Они и не подозревали, что этот канал доступен, - ни один кот не догадывался, что его можно использовать таким образом, по крайней мере частично автономно вместо их обычных режимов передачи, - до того, как Хонор и Нимиц установили свою собственную связь. Но Хонор никогда не умела мысленно разговаривать с Нимицем. Их связь была в основном через его телепатическое чувство, - с тем что, как она подозревала, было несколькими “побочным” элементами от его телепатического приемника, - и оно не было повреждено травмой, которую он перенес. Он никогда не был приспособлен для сложного обмена информацией, несмотря на его глубину, и это было не то, для чего он и Саманта использовали его в эти дни.

Но они с Хонор уже давно обнаружили, что могут передавать друг другу мысленные образы. Нимиц обнаружил, что язык жестов, который Аделина Ариф модифицировала и которому обучила котов, гораздо лучше подходит для обмена сложной информацией, даже между ним и Самантой, но он и его пара научились обмениваться “мысленными картинками” так же, как он и Хонор, и Саманта поделилась этой способностью с остальными представителями их вида в песне памяти.

Теперь он тоже закрыл глаза, сосредоточившись на тщательно сформированном образе, исходящем от его лица. Самый кончик его хвоста дернулся, когда он сосредоточился, и они оставались в таком положении очень долго. Затем он снова тихо пискнул, и Хонор открыла глаза и снова посмотрела на него.

“Значит, на этот раз ты думаешь, что у тебя получилось?” - спросила она более чем скептически. Он твердо кивнул, и она красноречиво выгнула бровь. “Я думаю, что именно так

ты думал последние три раза," - заметила она, и кот послал ей вспышку оскорбленного достоинства. "Хорошо, хорошо," - сказала она. "Подкрепите свои слова делом, мистер!"

Нимиц бросил на нее взгляд, который обычно приберегал для бурундуков, и она рассмеялась. Затем она постучала по кнопкам управления, направляя первую мишень поближе к столу, чтобы снять ее с зажимов и заменить новой. Она как раз отправила ее обратно на десятиметровое расстояние, когда раздался предупреждающий зуммер.

Она удивленно оглянулась через плечо, гадая, кого Клиффорд МакГроу и Джошуа Аткинс готовы были пустить к ней в тир, и улыбнулась, когда дверь открылась.

"Антон!" Она повернулась и протянула руку, и Антон Зилвицкий крепко сжал ее. "Я не ожидала увидеть тебя так рано."

"Мы с Харахапом закончили утреннюю сессию раньше, чем ожидали," - ответил он, и она кивнула.

Решение оставить Харахапа на борту "Императора" - там, где никто не узнает о его существовании, - и позволить аналитикам, которым это абсолютно необходимо, прийти к нему, на самом деле было предложено командером Лассалин, которая стала личным связным Патриции Гивенс для исчерпывающего отчета экс-жандарма, но Хонор и Зилвицкий оба считали, что это было отличное решение. Вот почему огромный горец стал более или менее постоянным членом команды "Императора". Теперь он отпустил ее руку и пожал плечами.

"Никогда не думал, что мне действительно понравится "Зачинщик"!" - криво усмехнулся он.

"Я и сама этого не ожидала." Она пожала плечами. "С другой стороны, он должен быть сильно располагающим к себе, чтобы добиться всего, чего он добился, не так ли? Кроме того, кто я такая, чтобы спорить с древесными котами?"

Нимиц издал выразительный звук согласия. Его пальцы дрогнули, и Хонор рассмеялась. Зилвицкий еще не научился читать знаки, и он поднял бровь, глядя на нее.

"Нимиц только что согласился со мной," - объяснила она. "В то же время он спросил, когда я буду достаточно умна, чтобы перестать это делать."

"Похоже на троицу подростков, которых я когда-то знал," - сказал Зилвицкий с одним из своих глубоких, рокошующих смешков.

"Раньше знал?"

"Ну, я все еще знаю их, но ни один из них больше не подросток. Не то чтобы дряхлая старость сделала их менее упрямыми." Он покачал головой. "Понятия не имею, откуда они этого набрались."

"Конечно, нет." Настала очередь Хонор покачать головой. "Должна ли я считать, что сегодняшнее утро прошло хорошо?"

"На самом деле так и есть." Зилвицкий пожал массивными плечами. "Это не значит, что я не желаю, черт возьми, чтобы мы знали больше об их внутренних перемещениях. И я не могу сказать, что мне нравится многое из того, что мы делаем вместе. В сочетании с тем, что сказал Харахап, и тем, что я уже видел на Мезе, я начинаю думать, что их "внутреннее ядро" скрыто в большей глубине, чем мы ожидали, даже сейчас. Мы не будем знать наверняка, пока не

начнем искать, - открыто, я имею в виду, на самой Мезе, - но если я прав насчет того, что происходило со всеми этими "террористическими" ударами, и они действительно вытаскивали ключевых людей, я склонен сомневаться, что они планируют оставить много доказательств своего существования."

"Я уверена, что нет, но сколько улик они действительно могут подчистить?" - Хонор прислонилась бедром к столу для стрельбы и скрестила руки на груди. "Даже если мы предположим, что каждая душа на Мезе, которая знает что-то, что мы хотели бы знать, была оснащена этим самоубийственным нанотехом, - и, честно говоря, я склонна думать, что оснащение им всех возможных источников информации было бы нетривиальной задачей, - что-то, что работает так долго, должно оставить физический отпечаток. Они не могли быть так заняты перестройкой галактики под себя, как мы знаем, не организовав серьезной структуры поддержки, Антон!"

"И я уверен, что так оно и есть, - или, по крайней мере, было," - согласился Зиливицкий. "Вот в чем я не уверен, так это в том, насколько децентрализованной была эта структура поддержки. Многое будет зависеть от того, какова их конечная стратегия игры и как давно они ее разработали, Ваша Милость. Была ли эвакуация, которую я определил, - я думаю, что я определил, - импровизированной, когда военная ситуация для них ухудшилась, или это было что-то, что они планировали в течение долгого времени? Я имею в виду, что они должны иметь свою собственную версию Болтхола, спрятанную где-то. Что, если они все это время планировали перенести операции туда, когда придет время?"

"Ты думаешь, они с самого начала планировали исчезнуть в кроличьей норе?" Глаза Хонор были полны решимости, и она нахмурилась. "Я никогда не думала об этом. Наверное, я всегда предполагала, что они планировали не быть обнаруженными, и в этом случае они продолжали бы управлять своими марионетками из Мезы... пока они внезапно не поняли, что не могут. Но ты думаешь, что они действительно планировали выполнить какой-то трюк с самого начала?"

"Даже не знаю." Он снова пожал плечами. "Я полагаю, что многое будет зависеть от того, где находится "Планета Х", - они не могли бы хорошо координировать свои действия из какого-то места, находящегося в нескольких месяцах от центральных миров или ближайшего гипертуннеля, - но я просто не знаю. Никто не знает, по крайней мере, с нашей стороны. И, к сожалению, наш друг Зачинщик даже не предполагал, что происходит. Честно говоря, я думаю, что он мог бы это сделать, если бы проводил больше времени на Мезе и меньше времени порхал по галактике, зажигая фитили. Его "усы" более чувствительны, чем у большинства древесных котов. На самом деле, я прихожу к выводу, что он сам может быть наполовину котом!"

"Я бы не стала заходить так далеко" - сказала Хонор, про себя подумав, что Зилвицкий, возможно, не так уж неправ.

«Может, и нет,» - согласился Горец. Затем он глубоко вздохнул, еще раз пожав плечами, словно горная гряда в движении. «Во всяком случае, он ничего не заметил, я имею в виду. И Виктор, и Танди, и я были слишком заняты, чтобы копаться в этом как следует. Так что до тех пор, пока мы с Харахапом не войдем в оккупационные отряды и не начнем копать, нет никакой возможности это узнать, так или иначе. Но я думаю, что, возможно, они планировали, как вы это назвали? Выполнить какой-то трюк? - с самого начала. Я не говорю, что они ожидали, что он им понадобится. Я говорю, что эти люди, очевидно, верят в планирование на будущее и что они из тех людей, которые могли бы понять, что если им действительно нужен какой-то план экстренной эвакуации, то он им очень нужен. И я думаю, что вполне возможно, что они планировали этот вариант, даже если они никогда не думали, что они действительно

используют его.»

“Какая чудесная мысль испортить мне утро! Спасибо Вам огромное за то, что поделились. Теперь у меня есть кое-что еще, чтобы вызывать плохие сны!”

“Как сказала бы Кэти, именно поэтому они платят вам большие деньги, Ваша Милость. Кроме того, почему я должен быть единственным, кто беспокоится об этом?”

“Даже на флагманах люди иногда попадают в аварии, мистер Зилвицкий.”

“Что, правда?”

Он невинно посмотрел на нее, и она усмехнулась. Затем он посмотрел на искромсанную мишень, лежащую на столе для стрельбы, и его брови поползли вверх.

“Не самая лучшая ваша работа, Ваша Милость,” - заметил он. “Судя по вашей репутации, я ожидал чего-то большего.” Он мотнул головой в сторону мишени с выпотрошенным десятым кольцом, все еще висевшей на линии огня.

“Это вовсе не моя работа,” - сказала она.

Она подняла расстрелянную мишень одной рукой и указала на то, что было скрыто под ней другой. Глаза Зилвицкого проследили за ее указательным пальцем... и расширились, когда они увидели миниатюрный пульсер.

Он был крошечным, даже меньше любого оружия, которое он когда-либо видел, а он видел довольно много. Если уж на то пошло, он никогда не предполагал, что гравитационный привод может быть вмонтирован в нечто настолько маленькое.

“Это то, о чем я думаю?” - осторожно спросил он.

“Это, - сказала Хонор, - либо блестящее предложение, либо самая большая глупость, с которой я когда-либо сталкивалась. Присяжные еще не определились, что именно.”

Нимиц издал негодующий смешок, а затем издал строгий ругательный звук, когда она снова посмотрела на него. Она засмеялась и ласково потрепала его за уши, а затем снова обратила свое внимание на Зилвицкого.

“Один из моих оружейников в Харрингтоне, парень по имени Рэнди Тодд, влюбился в современное стрелковое оружие, как только мы привезли его на Грейсон. Гвардия Харрингтона получила пульсеры раньше, чем кто-либо другой на планете, за исключением Дворцовой охраны и охраны Мэйхью, а Рэнди был первым мастером-оружейником Харрингтона. Он был капралом, когда поступил в гвардию, а в прошлом году вышел в отставку в чине старшего сержанта гвардии. Можно сказать, мы его высоко ценим.”

Зилвицкий кивнул в знак признания, что последнее предположение сильно преуменьшено.

“Так или иначе, как я уже сказала, Рэнди был на седьмом небе от счастья, играя с пульсерами, электрошокерами, виброножами, странными гранатометами, всеми этими игрушками, столь дорогими сердцу оружейника.” Майор Хоук, стоявший у задней переборки тира, издал звук, удивительно похожий на голос Нимица, и улыбнулась через плечо Зилвицкого. “А еще он немного сумасшедший” - продолжила она, все еще улыбаясь своему персональному оруженосцу, и я не удивлюсь, если это..., - она ткнула пальцем в крошечное оружие, - уже

давно сидело в его голове. Но когда до Харрингтона дошли слухи, что древесные коты предоставляют телохранителей, он решил, что любой оруженосец, - независимо от вида, - должен быть должным образом вооружен. Поэтому этот сумасшедший разработал пульсеры, подходящие для кота, которые действительно работают."

"Судя по результатам, не совсем точное оружие," - заметил Зилвицкий.

"И, вероятно, было бы не очень хорошей идеей кому-то из котов случайно убить полудюжину или около того невинных прохожих," - признала Хонор. "Особенно учитывая, кем эти свидетели, скорее всего, будут."

Дрожь Зилвицкого была лишь наполовину шутливой. Неконтролируемый огонь из импульсника на совещании Объединенного комитета начальников штабов, или, что еще хуже, между императрицей Елизаветой и президентом Причарт и их штабами, определенно представлял собой очень плохую идею, - размышлял он.

"Проблема в том, что древесные коты никогда не использовали более сложное ракетное оружие, чем брошенный камень. Немного удивительно, на самом деле, но они приходят естественно вооруженные и ориентированные для того, что вы могли бы назвать ближним боем. И как может предсказать любой, кто когда-либо видел Нимица с фрисби или теннисным мячом, они чертовски точны, когда бросают в кого-то камень. Но понятие прицеливания и управления чем-то вроде импульсного пистолета немного сложнее. И судя по Нимицу, это не то, что приходит к котам так же естественно, как к людям."

"Нет?" Зиливицкий нахмурился. "А вы не знаете, почему?"

"Не совсем." Хонор прислонилась всем своим весом к столу и раскрыла объятия Нимицу, который прыгнул в них и прижался носом к ее щеке, прежде чем повернуться в ее объятиях к Зилвицкому. "Некоторые из них явно физиологичны, но не все. Есть много вещей о котках, которые мы все еще не понимаем, и мы постоянно обнаруживаем их все больше теперь, когда два вида разговаривают друг с другом."

Мы обнаружили, что их мыслительные процессы не похожи на наши. Во-первых, они вообще не используют слова, "звуки изо рта", когда общаются. Они посылают... зашифрованные пакеты данных, я полагаю. Доктор Ариф собрала команду "кошачьих психов", чтобы попытаться выяснить это, и до сих пор это сводит их с ума почти так же, как и завораживает, но это похоже, - пока, - на прямой обмен концепциями, без какой-либо необходимости формулировать для них техническое задание. Мы не имеем ни малейшего представления о том, как кот переживает сложный информационный обмен с другим котом, и до сих пор они не смогли понять, как объяснить это нам. Самое лучшее, что я смогла придумать, это то, что поскольку их обмен настолько прямой, буквально как обмен мыслями другого человека без необходимости какого-либо физического интерфейса, все ссылки, которые мы помещаем в существительные, прилагательные, наречия, дифференцированные понятия, все это просто присуще первоначальной мысли.

На самом деле я склонна думать, что это помогает объяснить, почему они не кажутся очень инновационными по человеческим стандартам. Их информационный обмен настолько полон, что такого рода... двусмысленности, которая часто вызывает человеческое вдохновение, просто не бывает между котами."

"Это очаровательно." Зилвицкий задумчиво потер бровь. "Но если это так, то как они умудряются разговаривать жестами?"

“Им потребовались столетия, чтобы понять, что "шум изо рта" вообще был пакетами данных, но как только это случилось, они, похоже, поняли, что нам, бедным, ограниченным двуногим, нужен звуковой ярлык, чтобы повесить его на мысли, которые мы не могли разделить. Оттуда они начали постепенно изучать человеческий словарь и синтаксис, по крайней мере достаточно хорошо, чтобы понять его. Я не думаю, что большинство людей имеют представление о том, насколько монументальным достижением это было для вида, который никогда даже не рассматривал возможность дифференцированных слов!

Очевидно, однако, что переход к письменному языку и способность ассоциировать буквы или знаки с фонемами и фонемы со "звуками изо рта" были чертовски круче в некоторых отношениях. Они поняли, что мы делаем, когда увидели, что мы читаем, они просто не могли понять, как мы это делаем. Доктор Ариф совершила прорыв, когда научила их ассоциировать свои собственные жесты со словами, которые они научились распознавать, и большинство знаков, которые они используют, на самом деле больше понятия, чем слова, если подумать. Они очень редко говорят на точном стандартном английском языке, хотя коты, которые проводят больше времени, общаясь с людьми, делают это гораздо лучше. Но даже они склонны думать об ограниченном числе слов, которые они пишут, скорее как о "двуногом мыслительном конструкте, выраженном несколькими жестами", а не как о компонентах одного слова.”

Она нахмурилась.

“На самом деле я объясняю это не так хорошо, как хотелось бы, но это потому, что в том, что мы знаем, все еще так много дыр. И, честно говоря, Аделина и ее команда намного опередили меня и Нимица в выяснении этого. Я стараюсь быть в курсе их находок, но в течение дня не хватает времени на все, что я хотела бы сделать после того, как я закончу все, что я должны сделать.”

“Я это вижу. Хотя это очень интересно. Чем еще их мыслительные процессы отличаются от наших?”

“Очевидно, мы все еще работаем над этим,” - сказала Хонор. “Однако мы уже выяснили одну вещь: у них, похоже, серьезные трудности с любым видом математики, более совершенным, чем простое сложение и вычитание.” Она вдруг фыркнула. “Мама всегда говорила, что я наполовину древесный кот.”

“Как бы то ни было, возвращаясь к нашей обильно перфорированной мишени, Нимиц, кажется, вполне доволен понятием "прицелиться и выстрелить". Он просто не очень хорош в этом, - древесный кот потянулся вверх и назад, чтобы мягко шлепнуть ее - и научить его прицельному огню оказывается намного сложнее, чем ожидал сержант-майор Тодд. И, честно говоря, - ее тон стал более серьезным, - это даже более важно с таким коротким стволом, какой подходит по размеру для кота. Рэнди разработал импульсную винтовку, пригодную для анатомии древесных котов, но я не выпущу ни одного кота с каким бы то ни было импульсным оружием, пока не буду уверена, что они понимают, насколько они опасны и что они смогут действительно поразить свои цели, не убивая всех остальных в комнате.”

“По-моему, это очень разумный подход, Ваша Милость,” - с чувством сказал Зилвицкий.

“И для Нимица тоже, правда,” - ответила Хонор, коротко обнимая кота. “И я думаю, что мы на правильном пути. Этот импульсный пистолет - она кивнула на оружие, лежащее на столе, - предназначен только для дальней стрельбы. Из него вообще нельзя стрелять за пределами "Императора", и он не выстрелит даже здесь, если не будет направлен вниз. Что, вероятно, хорошо, судя по тому, с каким... энтузиазмом рассредоточились первые серии выстрелов

Нимица. Но я поработала с оружейником капитана Кардонеса, чтобы это изменить, и мы, кажется, получили результаты получше, - по крайней мере, для некоторых значений слова "лучше", - сегодня. Проблема заключалась в том, чтобы заставить Нимица понять, что такое зрительная картинка и почему она важна. Вот над чем мы работали, когда вы прибыли."

"Ну что ж, продолжайте, Ваша Милость!" Зилвицкий усмехнулся. "Я далек от того, чтобы встать на пути столь благородного научного начинания. Особенно - он холодно улыбнулся, - того, который, вероятно, спасет несколько очень важных жизней в будущем."

"Я тоже так думаю," - тихо сказала Хонор и посмотрела на Нимица.

"Готов, Паршивец?"

Он решительно кивнул и снова вскочил на стол для стрельбы.

Он поднял импульсный пистолет с тем, что поразило Зилвицкого как восхитительное понимание безопасности. Он был особенно осторожен с тем, куда указывал ствол, и держал пальцы подальше от приспособленной для древесных котов спусковой скобы, пока делал это.

"Я пришла к выводу, что большая часть проблемы заключается в том, что длина ствола не дает Нимицу достаточной оси визирования. Судя по тому, как двигаются его плечи, ему трудно даже принять правильную стойку для прицеливания, а потом он смотрит вниз на этот действительно короткий ствол. Я попыталась установить ему стандартный голографический прицел, как Симпсон и Вонг на моем "Декорсо", но мы только что выяснили, что это тоже не работает. Итак, мы пытаемся это кое-что. Вы как раз вовремя для пробного запуска плана С. Хотя, на самом деле, сейчас речь идет о плане Г., я думаю. Покажи ему, Паршивец."

Нимиц весело пискнул, поднял импульсный пистолет, направляя его в направлении новой цели, и обхватил обеими руками рукоятку оружия, все еще держа первый палец правой руки подальше от спускового крючка. Он держал его там и смотрел на Хонор, вопросительно наострив уши, и она кивнула.

"Приготовиться к стрельбе!" - официально объявила она, и он снова сосредоточился на своей задаче.

Ничего не происходило. Затем миниатюрный лазер, установленный Хонор под стволом, мигнул и ожил. Маленькая, яркая точка света появилась на мишени, импульсный пистолет немедленно взвыл... и крошечное пятно малиновой краски расцвело точно там, куда указывал лазер.

Нимиц замурлыкал от восторга, торжествуя подпрыгивая на столе для стрельбы на своих задних лапах. Зилвицкий начал отступать, несмотря на все сказанное Хонор о защитных свойствах импульсного пистолета, но затем расслабился. Восторг кота был очевиден, но, несмотря на его ликование, он осторожно положил импульсный пистолет обратно на стол, прежде чем начать свой боевой танец.

"Молодец, Паршивец!" - Хонор рассмеялась, подхватила его на руки и на мгновение зарылась лицом в мех его живота. "Я знала, что мы наконец найдем ответ! Наверное, надо было попробовать раньше."

"Блик! Блик, блик, блик!" - согласился Нимиц, и она оглянулась на Зилвицкого, который широко улыбался.

“Я не люблю лазерные указки,” - сказала она ему немного извиняющимся тоном. “Я видела, как они теряют ориентацию, особенно внешние блоки на винтовках. Я действительно хочу научить его стрелять с механическим прицелом, это должен уметь каждый, пусть даже только для прикрытия, и я, возможно, смогу сделать это, когда мы перейдем к винтовке. Но с пистолетной версией это просто не сработает.”

“На дистанции, с которой любой из котов-телохранителей, вероятно, будет стрелять, лазер действительно имеет больше смысла,” - заметил Зиливицкий. “У него еще и психологический фактор типа “остановись и подумай об этом”.”

“Что не будет иметь ничего против нанотеха.” Голос Хонор был мрачен, но Зиливицкий пожал плечами.

“Скорее всего, нет. С другой стороны, я думаю, что котов будет удобно иметь рядом, когда речь пойдет о обыкновенных, заурядных, старомодных убийцах.”

“Пожалуй, это очень хорошая мысль,” - согласилась она. Она улыбнулась почти застенчиво. “Знаете, я была так сосредоточена на Согласии, что на самом деле не думала о том, что можно было бы назвать другими приложениями.”

“Ничего удивительного. Впрочем, мне остается только гадать. Ваш сержант-майор Тодд когда-нибудь рассматривал возможность просто выдать им крошечные парализаторы? Думаю, будет больше заключенных и меньше сопутствующего ущерба.”

“Вообще-то мы думали об этом. К сожалению, даже Рэнди не смог придумать, как сконструировать такой маленький парализатор с дальностью стрельбы больше пары ярдов. И даже если бы мы могли, мы не знаем, что нанотехи сделали бы в этом случае. Насколько мы можем судить, человек, которым управляют, уже ‘не в курсе’ о том, что делает его тело. Если он потеряет сознание, это остановит его? Или нанотехи просто продолжат делать то, что он делает?”

“Простите меня, Миледи, - робко вставил Спенсер Хоук, - но я бы проголосовал против попытки оглушить кого-то в таких обстоятельствах, даже если бы мы знали ответ. Есть причина, по которой большинство телохранителей не любят ограничиваться несмертельной силой, потому что вы никогда не можете быть уверены, что это сработает. Антишоковая броня легко доступна и достаточно легка, чтобы большинство людей носило ее под одеждой. Кроме того, не все одинаково реагируют на оглушение, даже если они совершенно беззащитны.” Он покачал головой с мрачным выражением лица. “Это работа оруженосца, поддерживать жизнь своего хозяина, чего бы это ни стоило. Мы бы с таким же успехом никогда никого не убивали, но если кто-то пытается убить вас, то сохранение жизни этого человека, не важно, почему он пытается это сделать, я боюсь, является вторичным или третичным, насколько это касается нас. Учитывая, кого защищают древесные коты, я не думаю, что у них должен быть другой путь.”

“Он прав.” Зиливицкий покачал головой с огорченным выражением лица. “Мне следовало подумать об этом самому. Я полагаю, что это шпион во мне думает о данных, а не о возможных последствиях попытки их получить.”

“Ну, по крайней мере, мы, кажется, решили проблему Нимица... как только он, наконец, получил корреляцию между точкой на мишени и дротиком пульсера.” Хонор усмехнулась, услышав ворчание древесного кота. “Даже это оказалось не так просто, как я ожидала. И теперь мы должны посмотреть, сможем ли он и я передать это Сэм, чтобы она начала распространять информацию среди остальных древесных котов Ее Величества!”

Адмиралтейство

Старый Чикаго

Солнечная Система

“Садитесь, леди и джентльмены,” - сказал Уинстон Кингсфорд, направляясь к удобному креслу во главе стола для брифингов.

Мужчины и женщины, присутствовавшие на совещании, как физически, так и те, кто находился в различных выделенных квадрантах огромного умного экрана в полый подкове стола для брифингов, ждали, пока он сядет. Потом они уселись в свои кресла, и он улыбнулся.

“Я уверен, что у всех нас сегодня еще много дел, - сказал он, - поэтому я хотел бы ограничиться кратким обзором сегодняшней утренней сессии. Честно говоря, одной из серьезных ошибок, с которой мы столкнулись перед тем, как все это взорвалось у нас на глазах, была неспособность держать всех в курсе. Я понимаю, что галактика, большое место, и у нас всегда было много дел. Нет никакого способа, с помощью которого мы могли бы держать всех присутствующих сегодня полностью информированными обо всем, что происходит у всех нас отдельно. Ничего не поделаешь. Но то, что нам нужно делать, - и чего мы не делали, - это проводить регулярные встречи на этом уровне, на которых всё, что всплыло на вершину списка дел наших собственных ведомств, было бы озвучено.

Не делая этого, мы лишили себя преимущества внешних точек зрения, которые могли бы добавить что-то важное. Я не знаю, было ли у кого-то из нас что-то спрятано в наших файлах, что могло бы предупредить нас о приближении этой дерьмовой бури. Я знаю, что никто из нас не понимал, что мы сделали, даже если мы это сделали. Люди, мы больше не можем позволить дерьму проходить мимо нас.”

Он оглядел комнату для совещаний - и дисплей, - и его голубые глаза были холодны. Остальные оглянулись, и если кто-то из них и не согласился с ним, то, по крайней мере, у них хватило здравого смысла держать рот на замке. Неудивительно, наверное, учитывая, как безжалостно он отсеивал старших офицеров, которых унаследовал от Раджампета Раджани. На самом деле, это был первый раз, когда несколько участников присутствовали в своих совершенно новых ролях.

К несчастью, некоторые из старших офицеров, доставшихся ему... по наследству имели такие высокие связи, что он не мог избавиться от них даже сейчас. Ему это не нравилось. Но большинство имен в его коротком списке принадлежали людям, которые, по крайней мере, были достаточно умны, чтобы знать, что они также были в его черном списке, и по мере того, как серьезность ситуации просачивалась глубже в умы их покровителей, они, вероятно, чувствовали, что лед под ногами становится тоньше.

Во всяком случае, в большинстве случаев.

Он сделал паузу, чтобы обдумать два своих более удачных приобретения. В конце концов ему удалось избавиться от Карла-Хайнца Тимара, который слишком долго возглавлял Управление флотской разведки при Раджампете, после одной из самых жестоких бюрократических войн за территорию на недавней памяти Солариан. Недостаток таланта Тимара стал совершенно очевиден, когда ФСЛ все глубже и глубже проваливался в дерьмо, но он был настолько тесно связан с оборонной промышленностью, что уволить его было практически невозможно. Единственной хорошей вещью в том, что манти сделали на Прайме и в системе Гипатия, было то, что это, наконец, подчеркнуло, - с помощью сохранившихся необработанных тактических

данных солариан, о которых никто не мог утверждать, были подправлены манти, - неполноценность даже новейшего оружия флота.

В сочетании с глубоким участием Тимара в программе "Флот 2000", "программе модернизации", которая как все теперь поняли, была чисто косметической, доказательств чему было достаточно, чтобы Кингсфорд наконец-то выставил его некомпетентную задницу за дверь. Тимар оказался не только уволенным из УРФ, но и выброшенным на берег, не играя при этом никакой роли в войне... слава Богу. По крайней мере, Кингсфорд добился этого.

К сожалению, не без того, чтобы нажить себе много новых и непримиримых врагов. Большинство из них, казалось, придерживалось теории, что Тимара сделали козлом отпущения за ошибки других, включая ошибки некоего Уинстона Кингсфорда, и эти враги почти с нетерпением ждали, когда он совершит достаточно впечатляющий промах, чтобы быть уволенным. Он знал это, но если такова цена ведения дел, то пусть будет так. И он был полон решимости сколько-нибудь укрепиться на месте, прежде чем любые надвигающиеся топоры приземлятся на его собственную шею.

Адмирал Генрих Бергман, заменивший Тимара, был тому примером. Он был почти вдвое моложе своего предшественника и к тому же очень недавно в своем звании; Кингсфорд продвинул его по меньшей мере через дюжину других флаг-офицеров, что, несомненно, также сделало его их врагом. Однако, как и Кингсфорд, Бергман, казалось, был готов беспокоиться об этом, только когда стрельба закончится. Он был высоким, но стремительно двигался, с каштановыми волосами и глазами и одним из самых темных оттенков кожи, которые Кингсфорд когда-либо видел. Он был также агрессивен и умен, и он энергично преступил к разрешению сплошного кошмара, который оставил им Тимар. Однако к этому моменту он занимал свою новую должность всего лишь месяц, и еще предстояло выяснить, насколько успешно ему удастся одолеть всех аллигаторов.

Но, по крайней мере, я смог оказать ему некоторую поддержку, подумал Кингсфорд, переводя взгляд на вице-адмирала Карен Кларк.

Волосы и глаза Кларк были еще темнее, чем у Бергмана, но, несмотря на ее фамилию, она была очень бледной. Она была на двадцать стандартных лет старше своего нового босса, - на самом деле, она была одной из тех людей, через которых он перескочил, и Кингсфорд очень тщательно рассматривал ее кандидатуру на первое место в разведке, прежде чем остановиться на Бергмане, - но если она и была возмущена, то ничем не показывала этого. Может быть потому, что понимала, что слишком ценна в качестве замены Розалинды Гувер для второй секции УРФ, Отдела технического анализа. Она не была одной из самых блестящих офицеров в ФСЛ, но у нее был ясный, острый ум, который, возможно, был специально подготовлен для того, чтобы разбирать проблемы и идентифицировать их компоненты, а затем находить решения для них одно за другим. Она была одним из самых нестандартно мыслящих людей, которых ФСЛ произвел за последнее время, она была блестящим организатором и менеджером, и очень хорошо ладила с Тори Киндрик в Отделе системных разработок.

Это была, возможно, единственная самая важная связь во всем флоте Солнечной Лиги, учитывая обстоятельства, и она и Бергман прокладывали себе путь через заросли в мощном и эффективном партнерстве. Если бы только было поменьше кудзу, (Кудзу - лазающее лиановидное растение. Полностью увивает собой деревья, кустарники, столбы, постройки, неровности рельефа.), через которые нужно продираться...

И если бы только я мог избавиться от Ченга, мрачно подумал главнокомандующий. Почему, черт возьми, кто-то хочет поддерживать его - это больше, чем я могу понять, но кто-то, черт

возьми, хочет!

Кингсфорд знал, откуда исходит видимая поддержка Ченга Хай-Швуна, командующего Оперативного анализа. Чего он никак не мог понять, так это почему Натан МакАртни так решительно настроен держать человека, столь явно некомпетентного, в таком критическом положении. Все говорило о том, что кто-то другой шепчет МакАртни на ухо, причем очень убедительно. Хуже того, кто бы это ни был, он явно имел влияние и на Малахая Абруцци. Но почему? И какое влияние могло заставить их поддерживать такого халтурщика, как Ченг, в такое время? МакАртни и Абруцци даже лучше других знали, в какой глубокой яме находится Лига, и МакАртни, в частности, как постоянный старший заместитель министра внутренних дел, наблюдал, как отрицательно сказывается это на Протекторатах прямо сейчас. Так что же, черт возьми, могло повлиять на него, чтобы защитить кого-то вроде Ченга?

Пока Кингсфорд не понял этого, он мало что мог поделать с ситуацией в Оперативном анализе. Тот факт, что все Мандарины знали, что он и МакАртни презирают друг друга, - и что Абруцци был не очень высоко в его списке любимых людей, - затруднял заручиться поддержкой других по этому случаю. Колокольцев изменит свое мнение, вероятно, но даже он, казалось, не мог освободиться от подозрения, что здесь замешана личная неприязнь. Если Кингсфорд не сможет предоставить ему убедительных доказательств того, что МакАртни и Абруцци были под влиянием, - или принуждением, - поддержать кого-то, кто, как они знали, был некомпетентен, он вряд ли вмешается.

Но даже с учетом того, что Ченг все еще крутится вокруг ОпАна, я могу прикрыть тылы, напомнил он себе. Видит Бог, мне нужен более точный анализ тактических данных для Бернард и ее людей в отделе Стратегии и планирования, и было бы неплохо иметь лучшее представление о том, что, черт возьми, манти думают о том что они делают. Я знаю, что это не то, что думают Мандарины, но это не очень помогает. До тех пор, пока я не смогу как-то справиться с реальными военными целями "Большого Альянса", построить лучшую стратегию, чтобы остановить их, вероятно, будет немного сложно. Но, по крайней мере, с Бергманом в командовании УРФ, Кларк и Киндрик, копающимися в технической стороне, у меня есть лучший шанс выжить на протяжении достаточно долгого времени, чтобы избавиться от Ченга и выяснить, что, черт возьми, на самом деле происходит.

"Хорошо, - сказал он и заставил себя улыбнуться Адмиралу Ченгу, - почему бы нам не начать с Гипатии." Вопреки себе, его улыбка стала чуть тоньше и холоднее. "Что могут сказать нам ваши люди в ОпАн, Хай-Швун?"

Президентский дворец

и

Бар Белинды

город Лэндинг

Система Мероа

"Ты веришь в это дерьмо?" - требовательно спросил системный президент Аденауэр Келлог.

Трудно сказать, был ли президент более разъярен или удивлен, размышлял Йоханнес Станкевич. Келлог был квинтэссенцией кланового капитализма системы Мероа. Как и его товарищи, он рассматривал экономику звездной системы как свою личную банку печенья, с

гораздо большим основанием, чем многие другие, признал Станкевич. Он был президентом системы уже почти сорок стандартных лет, и Управление пограничной безопасности было его тихим спонсором в течение тридцати пяти из них.

Станкевич был осведомлен об этом лучше, чем кто-либо другой, поскольку он был "советником" Келлога из УБП в течение последних пятнадцати стандартных лет, в течение которых довольно много крошек пришло к нему из той же самой банки печенья. Поэтому он вполне мог быть разъярен не меньше самого Келлога. Однако то, что он чувствовал на самом деле, было гораздо ближе к панике. Когда Старый Чикаго узнал об этом, карьера некоего Йоханнеса Станкевича резко оборвалась. На самом деле, он был бы счастлив, если бы это было все, что с ним случилось.

"Как могли ваши люди пропустить что-то подобное?" - продолжал Келлог, направляя свой гнев на министра внутренней безопасности Рейнхарда Фримена.

Это, подумал Станкевич, был отличный вопрос... и он был уверен, что Старый Чикаго задаст его тоже. К несчастью, Мераа, хотя и была платящим членом Протекторатов во всем, кроме названия, технически была независимой звездной нацией. Кроме того, здесь было удивительно мало заметных волнений со времени инцидента на Арго III в 1898 году. Из-за этого в Мераа не было официального присутствия Жандармерии, и он привык полагаться на Фримена и Силы защиты граждан Мераа для оценки разведанных.

Большая ошибка, Йоханнес, подумал он теперь.

"Мы не знаем, пропустили ли мы что-нибудь," - запротестовал Фримен. "Все, что у нас есть до сих пор, это неподтвержденные слова Мантикоры и Баррегоса! Вы знаете, что манти должны искать любой рычаг, который они могут найти, а что касается Баррегоса ... Неужели вы действительно думаете, что человек, который открыто восстает против Лиги, будет чертовски беспокоиться о том, чтобы сказать нам правду, - или даже о том, сказали ли ему правду или нет! - вместо того, что служит его цели лучше всего?"

"Полковник?" - спросил Келлог, бросив сердитый взгляд на хрупкую светловолосую женщину, сидевшую рядом с Фрименом.

Полковник Джессика Мирволд командовала Мераанскими силами защиты граждан, общесистемными унитарными полицейскими силами, ответственными за уголовные расследования... когда они могли сэкономить время от отслеживания любых потенциальных угроз власти режима Келлога. Несмотря на ее относительно низкий официальный ранг, она была фактически одним из самых влиятельных членов мероанского истеблишмента, и гнев в выражении лица Келлога был не очень удивительным, учитывая ресурсы, вложенные в МСЗГ. Но карие глаза Мирволд, не дрогнув, встретили стальной взгляд президента системы.

"Боюсь, я не могу полностью поддержать доводы министра Фримена, сэр," - сказала она.

Фримен ошетинился и открыл было рот, но Келлог резким движением руки снова закрыл его.

"Поясните," - холодно сказал президент.

"Господин Президент, - осторожно начала Мирволд, - за последние восемь-двенадцать стандартных месяцев мы действительно видели несколько таких явлений, которые можно назвать "соломинками на ветру". Ни одно из них не было достаточно убедительным, чтобы насторожить моих следователей, но все больше доказательств существования, - особенно среди населения астероидов и шахтеров, - чего-то под названием Движение Сопrotивления Мераа."

“И почему я никогда не слышал об этом... как вы его назвали? "Движение Сопротивления Мероа"?” - спросил Келлог еще более ледяным тоном.

“Боюсь, я не могу ответить на этот вопрос, Господин Президент,” - сказала она.

“А почему нет?”

“Потому что я не отчитываюсь непосредственно перед вами в этих вопросах,” - ответила она болезненно нейтральным тоном, и глаза Келлога снова повернулись к Фримену, как два ракетных ствола.

“Должен ли я предположить из ответа полковника, что она сообщила вам об этом, Йоханнес?”

“В общем, да.” Фримен был не слишком счастлив, и гнев в его глазах предвещал худшее для будущего Мирволд. Если только не произойдет смена министров внутренней безопасности, размышлял Станкевич. “Но ведь всегда найдется какой-нибудь болтун, Аденауэр! Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Сброд наливается дешевым пивом, раздутые эго и рты начинают трещать, а эти тупицы - астероидники - худшие из всех.” Он с отвращением покачал головой. “Если бы мы тратили все свое время, беспокоясь о низкопробных хвастунах, мы бы никогда ничего не сделали!”

И это, язвительно подумал Станкевич, вероятно, и есть причина, по которой вы все собираетесь быть уволенным, министр. Вы действительно идиот, не так ли?

Это, вероятно, было немного несправедливо, что не очень беспокоило Станкевича в данный момент. На самом деле, однако, Фримен не был идиотом. Никто никогда не обвинил бы его в блестящем уме, но ему и не нужно было напоминать, чтобы он вытирал слюни с подбородка. К сожалению, он был продуктом "пузыря" Мерованской элиты.

УПБ наблюдало то же самое снова и снова в фасадных демократиях, которые оно поддерживало по всей Перефирии. Люди на вершине чувствовали необузданное презрение к людям, которые всю свою жизнь трудились, чтобы поддержать своих "лучших" в том стиле, к которому они привыкли. В конце концов, если бы эти низшие существа имели значение, они бы сами принимали решения, верно? Тот факт, что они не были таковыми, напрямую объяснялся их врожденной неполноценностью и общей глупостью, а не неравенством возможностей.

Это было не так уж трудно понять. Бог свидетель, Станкевич видел то же самое в Лиге. На самом деле, это было неотъемлемой частью всего сообщества внутри пояса Койпера... что, несомненно, помогло объяснить, почему вся гребаная галактика взорвалась перед лицом Лиги.

“Очевидно, это одна из партий "хвастунов", о которых нам следовало бы беспокоиться.” Келлог выплевывал каждое слово, как дротик из пульсера, и Фримен густо покраснел. Президент системы пристально смотрел на него еще несколько секунд, затем откинулся на спинку кресла, положил руки на подлокотники и глубоко вздохнул.

“Хорошо,” - сказал он наконец. “То, как все пошло наперекосяк, в данный момент менее важно, чем сам факт того, что это так. И не похоже, что все наши проблемы доморощенные, не так ли? Поэтому возникает вопрос, что нам с этим делать?” Он оскалил зубы в том, что никто никогда не принял бы за улыбку. “Есть предложения?”

“Вы верите в это дерьмо?” - спросил Готфрид МакЭнелли.

Он оглядел тихий столик в дальнем углу Бара Белинды и увидел такое же ошеломленное выражение на лицах трех других людей, сидевших рядом с ним.

“Это вы мне скажите, босс,” - сказал Майкл Ван Уик. “Это вы разговаривали с манти. Вы действительно думаете, что все это было подстроено?”

“Я не знаю!”

МакЭнелли поднял обе руки и в отчаянии замахал ими. Это был огромный мужчина, более ста девяноста сантиметров ростом, с темно-каштановыми волосами, густой, - но аккуратно подстриженной - бородой и твердым взглядом карих глаз. Сейчас эти глаза смотрели еще более сурово, чем обычно, но в их глубине было что-то необычное, похожее на неуверенность.

Это качество редко ассоциировалось с Готфридом МакЭнелли. Он был столь же драчлив, сколь и физически крепок, его естественная склонность заключалась в том, чтобы пройти через препятствие, а не обойти его, и обычно он точно знал, чего хочет добиться. Но это вовсе не означало, что он не способен на тонкость. Тот факт, что он превратил Движение Соппротивления Мерао из горстки закоренелых, грубых шахтеров с астероидов, которые были едва ли не лучшим материалом после анархистов, в плотно организованную силу на грани того, что выглядело почти уверенной победой, был свидетельством тому.

Однако в данный момент в выражении его лица было очень мало “тонкости”.

“Успокойся, Готфрид,” - сказала миниатюрная, - ну, по сравнению с ним, - женщина по другую сторону стола. Он свирепо посмотрел на нее, но Сейко МакЭнелли, казалось, это ничуть не смутило. Что, вероятно, было как-то связано с тем, что она была замужем за ним последние двадцать стандартных лет.

“Перестань воспринимать это как личное оскорбление и подумай об этом,” - сурово продолжала она. “Я бы не хотела, чтобы у тебя распухла голова или что-то в этом роде, но дело в том, что твой мозг действительно работает... когда ты не забываешь его задействовать. Так что включи его, пилот!”

Другая женщина за столом рассмеялась.

“Вот это верно, Сейко!” Белинда МакКлески, тетя МакЭнелли, покачала пальцем у него под носом. “Слушай свою умную половину, парень!”

МакЭнелли сердито посмотрел на нее, но тоже улыбнулся. Возможно, неохотно, но улыбнулся, а затем кивнул в знак того, что наступил нужный момент посветления.

“Это неплохая идея,” - сказал он через мгновение, протягивая руку, чтобы коснуться руки Сейко, лежащей на столе. “Очень жаль, что у меня не больше информации и проницательности, чем у всех вас. Да, я тот, кто говорил с “манти”, но я держал вас троих в курсе всего этого. Так что, если уж на то пошло, я думаю, что настоящий ответ... я просто не знаю.”

Остальные откинулись назад, пережевывая этот неприятный факт. МакЭнелли сделал паузу, пока они переваривали, и пока он ждал, у него появилось несколько неприятных мыслей. Как и тот факт, что он действительно не хотел, чтобы посланник Оравиля Баррегоса говорил правду.

Готфриду МакЭнелли было всего семнадцать, когда его дядя Леопольд, муж Белинды МакКлески и дюжина других мужчин и женщин погибли на платформе “Арго III”. Формально

они незаконно оккупировали ее почти за месяц до того, как туда прибыли Метроанский Системный патруль и Силы защиты граждан. Они никого не призывали к насилию и не причиняли вреда, но это не имело значения, когда МСЗГ получал свои приказы. Им было велено подавать пример. Чтобы не дать никому из других контрактных шахтеров, - а последняя горстка независимых была вынуждена заключать договорные контракты в течение предыдущих пятнадцати стандартных лет, - нагнать. От требований регулярно проверять и заменять по мере необходимости оборудование по обеспечению техники безопасности. От того, что они настаивали на контрактных ставках поставок, которые должны были, по крайней мере, дать возможность заплатить за реакторную массу и позволить им накормить свои семьи. От предположения, что они могут иметь какой-либо законный голос в декретах которые Управление сбрасывало как Зевс, мечущий молнии с Олимпа.

Очевидно, был только один способ доказать это, и Белинда МакКлески похоронила своего мужа, человека, который вырастил Готфрида МакЭнелли после смерти его отца-шахтера на одном из тех кораблей, оборудование безопасности которых каким-то образом проскользнуло через инспекторские проверки.

МакЭнелли последовал за своим дядей в Пояс, и он был хорош. Он был одним из лучших, что означало, что даже руководство задумалось об этом, по крайней мере на секунду или две, прежде чем отвергнуть его относящийся к работе вклад. Конечно, как племянник одного из печально известных хулиганов Арго III, никто и не подумал бы предложить ему должность управляющего, но, по крайней мере, они были достаточно умны, чтобы позволить ему управлять своей собственной добывающей секцией на четырех ботах, как бы ему этого ни хотелось, пока он продолжал получать солидные двадцать процентов сверх квоты.

Что, на самом деле, было невероятно глупо с их стороны, потому что та эскадра шахтерских судов стала ядром ДСМ.

Ему потребовались годы, чтобы выйти за пределы этой горстки надежных шахтеров с астероидов, но он сделал это. Да, сделал это! Вероятность того, что он действительно смог бы чего-то добиться, была не так уж велика. Лично он оценивал не более чем сорока процентную вероятность свержения режима Келлога, и что-то около пяти процентов, что УПБ и Пограничный флот не появятся, чтобы сразу же после этого сокрушить его движение. И все же, подумал он, у мужчины должно быть хобби.

А потом, два года назад, внезапно появилась возможность для большего.

Он стал еще ближе.

Системный патруль коммодора Франсуа Малиновски был насмешкой, не более чем горсткой устаревших легких штурмовиков, пригодных - едва-едва - для таможенного патрулирования, случайной спасательной миссии и сопровождения транспортов, полных спецназовцев МСЗГ, чтобы справиться с раздражающими маленькими ситуациями, подобными той, что произошла на Арго III. В то же время у МакЭнелли было две дюжины - две дюжины - рудовозов, которые были оснащены ракетными подвесками и лазерами. Каждый из них был равен по мощности двум колымагам Малиновски, и никто в СПМ или МСЗГ не имел понятия, что они были вооружены или что высококвалифицированные шахтеры МакЭнелли приобрели еще один набор навыков вместе с их оружием.

Его сорокапроцентный шанс вышвырнуть Келлога из шлюза превратился по меньшей мере в девяносто процентов. И гораздо важнее, чем само оружие, было то, что ему предложили единственное, что могло бы помочь Сопротивлению поднять восстание, поддержку флота. Не

поддержку какого-то там флотика, а Королевского флота Мантикоры. С КФМ в кармане скафандра, он знал, что пришло время, наконец, вернуть Мероа, отняв у УПБ и его вороватых, кровососущих “избранных лидеров”.

А теперь это. Теперь легкий крейсер чего-то, называющего себя Флотом автономного регионального сектора Майя, - и разве дело в названии? - появился на пороге Мерривелла меньше чем за две недели до того, как его восстание должно было начаться. Прибыл, чтобы объявить, что МакЭнелли вообще не разговаривал с мантикорцами. Что с ним сыграл шутку кто-то, чей единственный интерес в Мероа состоял в том, чтобы подавить восстание как можно более катастрофически. Кто-то, для кого кровавое уничтожение ДСМ даже не было главной целью, а только “сопутствующим ущербом” в стратегии, ориентированной на Звездную Империю Мантикоры и ее союзников.

Оравиль Баррегос сам был из УПБ. По определению, это означало, что ему нельзя доверять. Однако в секторе Майя у него была репутация губернатора другой породы, и его крейсер прибыл не один. Его сопровождал королевский эсминец Мантикорского флота, капитан которого подтвердил каждое слово заявления Баррегоса. Который вошел в Общественный совет и сообщил всей звездной системе, что звездная Империя понятия не имеет, кто мог планировать восстание здесь, в Мероа. Который далее объявил, что КФМ никому не обещал никакой поддержки и не желал видеть, как Мероа погружается в насилие.

И кто также сделал строгое предупреждение администрации Келлога.

“Правительство Ее Величества не вступало в контакт ни с одним человеком или группой людей в этой звездной системе,” - сказала невозмутимая женщина в черно-золотой униформе.

“Звездная Империя, однако, выяснила, что есть очень много людей в очень многих звездных системах, которые верят, что они были в контакте с представителями Мантикоры. И Ее Величество решила, что если кто-то из тех, кто искренне верит, что им обещана поддержка Мантикоры, и будет действовать на основе этого обещания, Звездная Империя не оставит их на произвол судьбы. Мы не потворствуем насильственному восстанию как средству смены режима. В то же время Ее Величество признает, что иногда насилие является единственным доступным средством смены режима. Это не ее задача принимать решение за чужую звездную нацию.

Официальная политика Звездной Империи Мантикора заключается в том, что мы не будем оказывать активную поддержку любой организации, которая занимается открытым насилием, независимо от того, кто, по мнению этой организации, может пообещать ее поддержать, если это насилие начнется после того, как Звездная Империя объявит о своей новой политике. Если насилие уже началось, то Королевский флот Мантикоры, и его союзники, готовы предотвратить внешнее вмешательство в звездные системы, где оно началось. И, в звездных системах, где ложные обещания помощи Мантикоры были использованы, чтобы заманить граждан в планирование вооруженного восстания, политика Звездной империи, объявленная сегодня в Мероа, навязать посредническое решение причин раздора в этих звездных системах. Мы не будем поддерживать вооруженное восстание, но и не примем насильственного подавления любой группы, которая готовилась к вооруженному восстанию после того, как ей солгал кто-то, якобы представляющий правительство Ее Величества.

Мы предложим услуги мантикорских дипломатов в усилиях по посредничеству мирного урегулирования в таких случаях, но мы не позволим людям, которые искренне верят, что мы обещали им поддержку, быть уничтоженными, пока мы стоим и наблюдаем.

Мы полагаем, что Мероа - одна из систем, в которой были даны ложные обещания о поддержке

флота. Мы призываем всех, кто верил, что они действовали при поддержке мантикорского флота, пересмотреть свою позицию. И Звездная Империя всем сердцем поддерживает предложение губернатора Баррегоса о проведении межсистемной конференции, на которой все эти вопросы будут вынесены на обсуждение и рассмотрены.

Мы не ожидаем, что будет легко. Мы не ожидаем, что будет просто, мы не ожидаем, что все проблемы будут быстро решены... и мы не верим, что статус-кво в большинстве этих систем является устойчивым или что он выживет. Наш анализ состоит в том, что люди, которые, как мы полагаем, стоят за этой операцией "ложного флага", выбрали системы, в которых внутренняя напряженность сделала восстание почти неизбежным. Как следствие, мы ожидаем, что возникнет огромное сопротивление, особенно со стороны отдельных лиц и организаций, находящихся в настоящее время у власти, конструктивным изменениям в этих звездных системах. У нас нет никакого желания насильственно навязывать этим звездным системам наши собственные решения. Однако мы будем насильственно препятствовать любому внешнему вмешательству, - за или против существующих режимов, - в них.

И, предполагая, что переговорные решения существующих причин разногласий не могут быть достигнуты под руководством губернатора Баррегоса, Звездная Империя Мантикоры, протекторат Грейсона, Республика Хевен, Республика Эревон и автономный региональный сектор Майя будут применять Флот всякий раз, когда экономические и политические санкции покажутся необходимыми для принуждения к решениям.

Без сомнения, многие осудят это как грубое злоупотребление властью. Другие увидят в этом доказательство бесконечных притязаний Солнечной Лиги на Мантикорский империализм. У нас нет никаких планов попать чей-либо суверенитет, но если мы должны использовать грубую силу, чтобы предотвратить миллионы смертей, за которые в галактике в целом будет нести ответственность Звездная Империя, то так тому и быть. Никто не умрет под надзором Мантикоры, если есть какой-то способ в раю или аду, которым мы можем это предотвратить."

Она смотрела на экран, ее карие глаза были как кремнь.

"Я советую каждому из вас поверить, что Ее Величество действительно это имеет в виду."

Башня Хиллари Индракаши Энкатешвара

город Старый Чикаго

Солнечная Система

Солнечная Лига

"И ты говоришь о том, чтобы бросить кошку среди голубей!"

Ирен Тигу с мрачным выражением лица покачала головой. Никто из других Охотников за привидениями, собравшихся сейчас в своем убежище в башне Хиллари Индракаши Энкатешвара, не выглядел намного веселее.

"Мне неприятно об этом спрашивать, Чжин-Хван, - сказал Брайс Тарковский, - но насколько хорош этот парень? Я не имею в виду, насколько ты ему доверяешь. Я имею в виду, насколько он хорош?"

"Михал Асцталос почти так же хорош, как они," - решительно ответила Вэн Чжин-Хван. "Он

молод, я согласна, но Жандармерия сделала его майором в его возрасте не за то, что он облажался.”

Она на мгновение остановилась и многозначительно посмотрела на дубовый лист на воротнике Тарковского, и морпех кивнул, признавая ее правоту.

“Я признаю, что выбрала его, потому что верила, что он даст мне честный отчет, - продолжала она, - но я также выбрала его, потому что доверяю его суждениям. И потому что я знаю, что Микал чертовски хорош в выяснении вещей, которые другие люди хотят скрыть.”

“Я думаю, что часть того, что беспокоит меня в данный момент, - и я уверен, что будет беспокоить Дауда, когда он услышит об этом, - это то, что это не звучит так, как будто он должен был "узнать" чертовски много, - сказала Тигу, затем снова покачала головой. “Я не могу поверить, что Баррегос просто небрежно оставил бы такие улики, если бы он действительно что-то замышлял!”

“Я тоже об этом подумала,” - сказала Лупе Блантон. Остальные посмотрели на нее, и она пожала плечами. “Я понимаю, что официально речь идет скорее о сфере компетенции Найхуса, чем о моей. Тем не менее, мои люди и я видели многое за эти годы, и мы ловили за руку наших собственных людей, хотя они чертовски хорошо знают, что не должны иметь с этим ничего общего, намного чаще, чем УПБ хотело бы признать. И я просмотрела досье Баррегоса. Некто настолько умный и способный, как он, очевидно, должен быть, по крайней мере, так же хорош в сокрытии своих следов, как, скажем, третий помощник легата, назначенный в консультативную миссию УПБ в Протекторатах, который воровал из потерянных фондов миссии. Так что я думаю, что ты права, Ирен, Асцталосу следовало бы приложить гораздо больше усилий, чтобы найти любые подлинные доказательства, которые Баррегос хотел скрыть.”

На последних трех словах ее тон слегка изменился, и Тигу пристально посмотрела на нее.

“Ты думаешь, он не хотел этого скрывать?”

“Я думаю, что он не только не хотел их спрятать, но и приложил все усилия, чтобы Асцталос их нашел.”

“То же самое думает и Михал,” - сказала Вэн. “Я захватила с собой всю его служебную записку, и я уверена, что вы все захотите посмотреть ее сами, но Филипп Олфри сам дал ему доступ к файлам, содержащим эту "секретную" информацию. Он не сказал Михалу, что было в тех файлах, но у него, должно быть, было сильное подозрение о том, что искал Михал. Исходя из этого, я думаю, что Олфри, то есть Баррегос, конечно, хотел, чтобы эти сведения попали в Старый Чикаго. Что приводит к дополнительному вопросу о том, что мы сделаем с ними теперь, когда они у нас есть.”

“Позвольте мне убедиться, что я все правильно поняла,” - сказала полковник Окику. “По словам Асцталоса, в файлах Баррегоса есть документальные доказательства того, что с ним связывались люди, утверждающие, что они мантикорцы, которые ими не были? Что эти люди обещали ему флотскую поддержку, массированную флотскую поддержку, если он взбунтуется против Пограничной безопасности и Лиги? Но что впоследствии с ним связался кто-то, кто, как он знает, действительно занимает высокое положение в разведывательных кругах манти, и она рассказала ему об операции под фальшивым флагом, проводимой кем-то другим?”

“В сущности, это так, Нацуко.” Вэн кивнула. Окику скептически посмотрела на нее, и жандарм криво усмехнулась. “На самом деле, Михал почти уверен, что он мог бы назвать имя человека,

который находится высоко в разведывательных кругах манти. Прочитав соответствующую часть документов, которые он привез с собой, - у меня еще не было времени просмотреть их все, - я склонна думать, что тоже смогу."

"Неужели?" Окику склонила голову набок. "Кто же это?"

"Если я не ошибаюсь, это была Патриция Гивенс."

Окику выглядела озадаченной, но Тарковский быстро поднял глаза, и Тигу сложила губы трубочкой в беззвучном свисте.

"Очевидно, простому, но честному полицейскому здесь чего-то не хватает," - едко заметила Окику.

"Пат Гивенс - Второй Космос-Лорд Мантикоры," - сказала Тигу. "Это ставит ее примерно так же высоко в разведывательных кругах манти, как только можно, поскольку Второй Космос-Лорд, это тот, кто управляет их Управлением разведки Флота. Если Асцталос прав, это примерно то же самое, если бы Колокольцев послал куда-то Карла-Хайнца Тимара в качестве своего посланника. За исключением того, что Гивенс, по крайней мере, так же хороша, как Тимар, - слава Богу! - был плох." Она медленно покачала головой. "Это несколько меняет точку зрения на вещи. Если Гивенс дает кому-то слово о том, что происходит, это должно быть официальной позицией манти."

"Необязательно." Тарковский покачал головой, и она подняла бровь. "Позвольте мне предварить мое следующее замечание, сказав, что я тоже понимаю, что это означает," - сказал морской пехотинец. "Но Гивенс, к сожалению, один из их самых старших шпионов. Она может быть и высокопоставленным флотским офицером, но все Мандарины будут смотреть на то, что она агент спецслужб. Они укажут, что если предположить, что манти действительно стоят за всем этим, она должна быть одним из людей, которые помогли разработать стратегию в первую очередь. Как один из ее архитекторов, она бы ни секунды не колебалась, чтобы солгать об этом кому-то вроде Баррегоса, не так ли? И будьте честны, если бы мы уже не подозревали, что манти не стоят за этим, разве мы не были бы готовы признать такую возможность?"

"Я думаю, это будет зависеть от того, насколько глупыми я считаю манти," - медленно произнесла Блэнтон, ее глаза были задумчивы. Тарковский посмотрел на нее, и она пожала плечами. "В том, что ты предлагаешь, есть что-то типа раздвоения личности, Брайс. С одной стороны, манти говорят с УПБ, - возможно, немного косвенно, через Баррегоса, но все же с УПБ, - что они не имеют к этому никакого отношения. С другой стороны, предполагается, что они оказывают флотскую поддержку мятежам по всей окраине, а-ля Терехов в Мебиусе."

"Но Терехов также сказал, что Мантикора никогда не связывалась с сопротивлением мёбиан, прежде чем оно начало убивать людей примерно в то время, когда он "просто случайно появился" в Мебиусе, чтобы раздавить Юсель и Ломброзо, как тараканов", - указал Тарковский. "Мне кажется, что кто-то может с полным основанием заключить, что это просто очередная итерация той же самой стратегии. Я мог бы, конечно, доказать, что это как два флотских офицера, читающих с одной и той же страницы, - вроде того, как Каприотти и Хайду используют одни и те же глупые тезисы, чтобы оправдать Флибустьер, - и что все, чего действительно хочет Гивенс, это получить лучшее освещение этой стороны истории в передачах Лиги."

"Но на этот раз они разговаривают с губернатором УПБ, а не с журналистами, и ни слова об этой предполагаемой встрече не попало ни в сообщения, ни в передачи," - возразила Блэнтон.

“Если теория, которую вы предлагаете, верна, они купили себе худший из обоих миров, в некотором смысле. Они не могут отмахнуться от любых записей, которые мог бы сделать Баррегос, что означает - по крайней мере теоретически, - что Гивенс тайно разговаривает с УПБ, официальным представителем Лиги, лицом к лицу, для Абруцци и его агентов по связью с общественностью в Информации, чтобы использовать против Мантикоры, когда они захотят. Они должны знать, что Абруцци может сделать с этим, вероятно, даже не делая чертовски много компьютерной обработки! Но она все равно пошла и встретила с ним, если мы правильно ее опознали.

Если он хороший, преданный маленький губернатор сектора и передает этот контакт по цепочке, а они не говорят ему, - а через него Мандаринам, - правду, то это должно вернуться и укубить их за задницу. Если они говорят правду, и если они действительно надеются добраться до Старого Чикаго, или до газетчиков, этим странным, окольным путем, они рискуют чертовски многим, делая это таким образом.”

“Что означает?..” - спросил Тарковский.

“Я не думаю, что кто-то из старших по званию, типа Гивенс, стал бы говорить с кем-то из старших по званию типа Баррегоса, если бы манти и их союзники чего-то не хотели от него. И заметьте, что Баррегос не передал отрицание ответственности Гивенс, - или даже ни единого упоминания об их тайной встрече, - в Старый Чикаго.”

Наступила короткая напряженная тишина. Она висела так несколько секунд, потом Окику пошевелилась в кресле.

“Мне не нравится, куда ты клонишь с этой мыслью, Лупе,” - тихо сказала она.

“И особенно мне,” - сказала Вэн. “С другой стороны, возможность того, что Баррегос замышляет что-то такое, что не понравится Старому Чикаго, является причиной, по которой я послала Михала, чтобы он поразнюхал для нас в первую очередь. И, раз уж мы заговорили об этом, я должен отметить, что некоторые из его других контактов предположили, что Баррегос принял “важное политическое решение” как раз перед тем, как его корабль отправился в Солнечную систему. Они не сказали ему, какого рода политическое решение, но учитывая, с кем, как мы знаем, он разговаривал...”

“Дерьмо,” - пробормотал Тарковский, и Вэн кисло улыбнулась.

“О, это будет очень плохо,” - пробормотала Тигу, и Блантон серьезно кивнула.

“Думаю, ты права. Я думаю, что если бы Баррегос не собирался дать им то, что они хотели, то он, черт возьми, не сообщил бы обо всем этом в Старый Чикаго. Тот факт, что он этого не сделал, говорит о том, что УПБ очень скоро услышит действительно плохие новости из Протекторатов.”

“Возможно. Может быть, даже вероятно,” - сказала Вэн. “Но у этого есть и другая сторона, с нашей точки зрения.”

“О, я вижу десятки сторон,” - сказала Окику. “У меня просто небольшие проблемы с поиском подходящего “с нашей точки зрения”! Какие из нехороших, - конкретно, - вы имели в виду?”

“Баррегос умен,” - заметила Вэн. “Если Лупе права насчет его участия в игре на стороне манти, то он должен быть убежден, что они говорят ему правду. И, поверь мне, этого человека нужно было бы очень долго убеждать, прежде чем он пересек бы Рубикон.”

“Вы хотите сказать, что это еще одно доказательство того, что это действительно плохие парни,” - сказал Тарковский.

“Именно это я и имею в виду.”

“Возможно, вы и правы,” - сказала Тигу. “На самом деле, я так и думаю. Но более важно то, что это приведет МакАртни и других Мандаринов в бешенство. Что бы ни планировал Баррегос, он планирует это как губернатор целого сектора. Мебиус был всего лишь системой, и его вклад в федеральный денежный поток не был таким уж огромным. Потерять его было больно, но я уверена, что они думали об этом больше с точки зрения поощрения других систем делать то же самое. Но в случае с Баррегосом мы не говорим об отдельных пограничных планетах, мы говорим о целом проклятом секторе, и каждая планета в нем производит примерно вдвое больше дохода, чем любая другая планета вне его. Мне не нравится думать о том, как Мандарины, вероятно, отреагируют в Майя, если они решат присоединиться к “Большому Альянсу”, но я намного больше боюсь того, как они отреагируют где-то еще. Народ, нас с Даудом просят провести большой анализ по Беовульффу.”

“Беовульф?” - резко сказал Тарковский. “Я думал Дауд сказал, что они выбросили эту чушь из головы!”

“Брайс, никто не говорит нам, о чем на самом деле думают Бернارد и Стратегия и Планирование! В конце концов, Оперативному Анализу совсем не обязательно знать, что они в настоящее время планируют, чтобы дать им лучший вариант.” Тигу закатила глаза. “Кроме того, даже сейчас никто не хочет признать, что Дауд был прав, когда никто из них не смог отличить свои задницы от локтей. Они хотят, чтобы он отвечал на конкретные вопросы, а в остальном держал рот на замке и перестал напоминать им, - и их начальству, - какими бестолковыми идиотами они были. Этот образ мыслей исходит прямо от Адмирала Ченга, и никто из нас не собирается ему перечить. Так что, нет, никто не сказал нам, что они задумали, и никто, вероятно, не начнет говорить нам в ближайшее время. Но это не значит, что мы не можем сделать некоторые предположения, исходя из вопросов, которые они предпочитают задавать.”

“Вы хотите сказать, что они всерьез подумывают о нападении на Беовульф?” - спросила Окику тоном женщины, которая очень надеется, что неправильно поняла то, что ей только что сказали.

“Я предполагаю, что они просят провести анализ, который имеет смысл только с точки зрения какой-то операции против Беовульфы,” - ответила Тигу. “И я хочу сказать, что после того дерьма, которое они пытались вытянуть из Гипатии и всего остального, что произошло во имя священной операции Флибустьер, - последние два слова прозвучали как грубое ругательство, - я бы не пропустила мимо ушей ни чего, черт возьми, что исходит от этих людей. Кроме этого, у меня ничего нет.”

“Иисус.” Тарковский покачал головой. “Я думал, что в Майя творится что-то плохое. Но если вы правы насчет того, что готовит Бернارد и его тролли, то это наименьшая из наших забот!”

“За исключением, - заметила Вэн, - резонансного эффекта.” Тарковский посмотрел на нее, и она пожала плечами. “Если Баррегос и сектор Майя горят в огне, это, скорее всего, подтолкнет их к краю пропасти. И если они уже об этом думают ...”

Его голос затих, и в башне Хилари Индракаши Энкатешвара стало очень-очень тихо.

КЕВ Император

терминал Звезды Тревора

система Звезды Тревора

Звездная Империя Мантикора

“Мистер Зилвицкий здесь, Ваша Милость” - объявил лейтенант-коммандер Тюммель, и Хонор отвернулась от впечатляющего звездного пейзажа за пределами купола зала наблюдения в фюзеляже КЕВ Император.

“Спасибо, Вальдемар,” - сказала она и протянула руку Зилвицкому. “И спасибо, что так быстро приехали, Антон.”

“Всегда пожалуйста, как всегда, Ваша Милость,” - ответил Зилвицкий, и она посмотрела через его плечо на Тюммеля.

“Это все, Вальдемар. Но сделай мне одолжение. Свяжись с коммандером Брэнтли и капитаном Стефано. Убедись, что адмирал Л'Англэ знает о брифинге. Я не уверена, что она планировала лично участвовать в тех маневрах группы, которые она запланировала. Но если так, то сейчас она, вероятно, на полпути к Сан-Мартину. Выясните. И если есть какие-то проблемы с расписанием, связанные с тем, чтобы доставить ее, - ее лично, а не заместителя, - сюда для брифинга, свяжитесь с коммодором Брайэм и решите их. Скажите коммодору, что она уполномочена установить для этого отсрочку, однако она должна сделать так, чтобы все сработало.”

“Да, Ваша Милость. Понятно,” - сказал Тюммель несколько более холодно, чем обычно. Он на мгновение вытянулся по стойке смирно. “С вашего позволения, Ваша Милость?”

Хонор кивком разрешила ему удалиться и снова обратила свое внимание на Зилвицкого.

Горец оглянулся на нее, приподняв бровь. Он был немного удивлен, когда Тюммель провел его прямо в гостиную, потому что майор Хоук стоял снаружи люка с капралом Аткинсом, а не внутри, где он мог убедиться, что его Землевладелец не была похищена космическими эльфами, пока он не видел. Это было необычное отклонение от его обычной паранойи, и теперь, когда он подумал об этом, в ней тоже было что-то необычное. Она казалась более... сосредоточенной, чем обычно, и язык тела Нимица казался более напряженным, когда древесный кот пристально посмотрел на него.

“Ваша Милость?” - сказал он, и она улыбнулась ему.

“Мне также нужно убедиться, что у вас нет никаких противоречий с расписанием этого брифинга,” - сказала она ему. “Я думаю, что ваш вклад, вероятно, будет весьма значительным.”

“Мой вклад?”

“Ваш,” - ответила она, а затем удивила его, положив руки ему на плечи и крепко сжав. “Мы только что получили сообщение от Адмирала Золотой Пик. Десятый флот достиг Мезы девять дней назад.”

Зилвицкий напрягся, его лицо внезапно побледнело, глаза стали огромными и темными, и она быстро покачала головой.

“Мика успела вовремя, Антон!” - быстро сказала она ему. “Она успела вовремя.”

Она встряхнула его, и, несмотря на его массивное телосложение, у нее хватило сил сделать это.

“Последняя атака на Новый Росток как раз собиралась начаться, когда появились она и Лестер Турвиль.” Она улыбнулась, глядя в его недоверчивые глаза, глаза человека, который не позволял себе надеяться, что бы он ни говорил остальной Вселенной... или самому себе.

“Башня в основном разрушена, некоторые из ваших людей ранены, - я так поняла, что мисс Третьяковой потребуется значительное восстановление, - и потери среди сессиз были жестокими. Но они выдержали, Антон.” Слезы наполнили его глаза, а ее собственные были не совсем сухими. “Они защищались от каждой проклятой единицы, которые бросали в них, и Танди Палэйн, - и сесси, - заставляли ублюдков платить кровью за каждый сантиметр. Они сломали хребет внутренней безопасности и чертовски хорошо выпотрошили миротворческие силы, и каждый сесси на планете знает, что они сделали, ей-богу!”

И я понимаю, что ваш друг мистер Каша приготовил небольшой прощальный подарок на тот момент, когда они наконец были захвачены. Что-то связанное со взрывами, я полагаю.” Она оскалила зубы. “Много взрывов.”

“Звучит...”

Зилвицкий остановился. Ему пришлось это сделать, и он понял, что поднял руку и накрыл ладонью руку на своем правом плече, чувствуя, как слезы текут по его лицу. Его не волновали слезы, но ему пришлось дважды прочистить горло, прежде чем он смог продолжить.

“Звучит похоже на Виктора,” - хрипло произнес он и прочистил горло в третий раз. “Парень всегда любил драматические жесты.”

“Так я и поняла.”

Она улыбнулась, в последний раз сжала его плечи и отступила назад, пока он вытирал слезы с лица. Теперь он понял, почему Хоука нет, подумал он, когда она повернулась к куполу, давая ему немного больше уединения, и он снова принялся вытирать глаза. Затем он глубоко вздохнул и встал рядом с ней, глядя на звезды.

“Они действительно в порядке, Ваша Милость?” Он ненавидел задавать лишние вопросы, но в этот раз ничего не мог с собой поделать. “Правда в порядке?”

“Я же сказала вам, что у них много раненых. Честно говоря, я удивлена, что разрушения не были намного хуже, учитывая то, что им удалось повернуть, и шансы против них. И судя по первоначальным отчетам Мики, - я имею в виду графиню Золотой Пик, - они выполнили именно то, что вы намеревались сделать. Я должна сказать, что после того, как вы это описали, немного трудно узнать Юргена Дусека в героическом, свободолюбивом отце своей звездной нации и революционере, каким его описала Адмирал Золотой Пик, но в настоящий момент он и генерал Палэйн должны быть двумя самыми популярными людьми на всей планете, по крайней мере, в глазах сессиз и рабов. Не так уж много, с точки зрения истеблишмента.”

“Думаю, что нет!” Зилвицкий удивил себя глубоким раскатистым смехом. “Я думаю, что они, должно быть, самые ненавидимые люди в Мезе, когда дело касается “истеблишмента”!”

“Нет.”

Ее голос изменился, и он услышал звук, исходящий от Нимица. Какой-то темный звук, подумал он. Он быстро взглянул на нее, и его глаза сузились, потому что выражение ее лица совершенно изменилось. Оно стало горьким, этот странный акцент, который он видел в ней, был гораздо более явным, чем раньше, и ее глаза стали очень-очень холодными.

“Нет, самый ненавистный человек в Мезе в данный момент, графиня Золотой Пик, - сказала она решительно. - потому что Десятый флот произвел неспровоцированный ядерный удар, - серию ядерных ударов, - по планете после ее капитуляции.”

Антон Зилвицкий был очень быстрым мыслителем. Любой, кто знал его, знал, что лучше не позволять его массивному, несомненно тяжелому на вид телосложению обманывать их относительно молниеносной скорости его мозга. Несмотря на это, ему потребовалась секунда или две, чтобы осознать сказанное.

“Что?” - спросил он.

“Я уверена, что к такому выводу придут все жители Старого Чикаго.” Мрачно сказала Хонор. “Они уже находились на Мезе. Конечно это касается истеблишмента, и я думаю, что даже довольно многие сессиз купились на это. Наверное, их трудно винить. Вот мы на орбите планеты, все их корабли сдались, наземные силы сложили оружие, а потом кто-то нанес по планете более тридцати ядерных ударов.”

Зилвицкий побледнел. Теперь его лицо стало совсем белым, и она одарила его свирепой волчьей улыбкой.

“В дополнение к ударам по планете, они взорвали орбитальное поселение Лагранж-один. По словам мезанцев, это само по себе убило почти три миллиона человек, и у нас пока нет никаких данных о потерях на планете. Главным образом потому, что удары по планете были разбросаны повсюду, некоторые из них в городских центрах, некоторые в середине прерий или на вершинах горных городов. Один из них на необитаемом острове, черт побери!”

“Но почему?...”

Он замолчал, а затем соединил эту волчью улыбку с тем, что она сказала о его присутствии на брифинге.

“Речь идет о "террористической кампании", не так ли, Ваша Милость?” - тихо сказал он.

“Я думаю, что именно так оно и есть.” Голос Хонор был тверд, как сфинксианский гранит. “Рассредоточение наводит меня на мысль, что тот, кто нажал на эту кнопку, удалил неопровержимые доказательства существования Согласия, о чем мы говорили с вами, Терри Лассалин и Пат Гивенс. О, они не упустили из виду то, как это будет прекрасно вписываться в повествование Мандаринов, особенно после инцидента в Грин Пайнс. Я даже не могу представить, как это повлияет на мировое общественное мнение, но я уверена, что это была их вторая цель. Основной задачей было засыпать кроличью нору позади них.”

“Это то, о чем вы хотите, чтобы я говорил на брифинге?”

“Среди прочего.” Она кивнула. “Более того, вы были на самой Мезе совсем недавно, позже, чем кто-либо еще во всей Звездной Империи. Вы можете дать всем нам лучший контекст для отчета Мики, и это особенно важно, потому что это предварительный отчет. Должно быть, за этим последует еще много подробностей, но, - по вполне понятным причинам, - ей нужно было как можно скорее сообщить нам о том, что произошло после капитуляции.”

Зилвицкий кивнул с мрачным пониманием. Одному Богу известно, какотреагирует Галактика на подобное злодеяние, но, черт возьми, ничего хорошего из этого не выйдет. Неудивительно, что Золотой Пик дала Мантикоре как можно больше предупреждений!

“Так что я хочу, чтобы вы были готовы заполнить фон для всех нас,” - продолжила Хонор. “Но в каком-то смысле я особенно хочу, чтобы вы были там ради Адмирала л'Англэ.”

Зилвицкий нахмурился в замешательстве, и она фыркнула.

“За последние несколько недель я узнала Адмирала Л'Англэ гораздо лучше. Я глубоко ее уважаю. Но у нее есть... сомнения относительно союза ее звездной нации с кем-то, в кого она стреляла так долго. Адмирал Турвиль одобрил доклад Адмирала Золотой Пик. Если уж на то пошло, он прислал один из своих, который подтверждает ее во всех деталях. Я знаю, что Адмирал л'Англэ постарается взглянуть на эти донесения беспристрастно и непредвзято, но я не знаю, удастся ли ей это. Я уверена, что вклад Адмирала Турвиля поможет в этом, но, честно говоря, бойню такого уровня в качестве не более чем демонстративного действия, - как что-то, что равносильно психологической военной уловке, - даже мне трудно охватить умом. Я ожидаю, что ей будет труднее.”

Зилвицкий кивнул.

“Я хочу, чтобы вы поделились с ней всем, - и я имею в виду все, Антон, я разрешаю вам раскрыть все возможное, что вы с Харахапом смогли собрать вместе о причине этих "террористических атак" и о том, что они могли скрывать. Чтобы показать ей причины - другие причины - кого-то, кто мог сделать нечто подобное. Я не уверена, насколько Л'Англэ верит в существование Согласия. Я думаю, она признает, что это реально, но я также думаю, что у нее есть сомнения относительно его охвата и нашего анализа его конечных целей. Мне нужно, чтобы вы передали ей наши доказательства.”

“Конечно, Ваша Милость. Но она, должно быть, видела отчеты, которые мы уже подготовили.”

Зилвицкий сказал это вопросительным тоном, и Хонор кивнула.

“В таком случае я не знаю, что еще могу добавить. Мы еще не писали о моих подозрениях по поводу эвакуации, пока ни в одном официальном отчете, но она уже видела все остальное.”

“Вы совершенно правы.” Хонор уступила, но потом удивила его улыбкой. “С другой стороны, есть еще Ловец Солнца.”

“Ловец Солнца?”

“Ловец Солнца, это кот, который согласился присматривать за ней.” Улыбка Хонор стала шире. “Они вместе всего несколько недель, но уже, можно сказать, близки. Есть такая тенденция при работе с котами. И Л'Англэ поняла, что Ловец Солнца может, - и будет, - говорить ей, если кто-то лжет. Поэтому, хотя у нее могут быть сомнения в честности всех анонимных, безликих шпионов и политиков, записывающих те отчеты, которые она просматривала, у нее не будет никаких сомнений в вашей правдивости.”

Хонор пожала плечами, и ее улыбка исчезла.

“Не знаю, поможет ли это, Антон, но я чертовски хорошо знаю, что это не повредит. Что бы мы ни делали и ни говорили, огромное количество людей никогда не поверят, что мы не стоим за этими взрывами. Я знаю это. Но в данный конкретный момент я не могу сказать вам, насколько

нам не нужно, чтобы заместитель командующего Большим флотом была одной из тех людей, которые задаются вопросом, не лжем ли мы им.”

КЕВ Артемис

планетарная орбита Мезы

система Меза

“Смиррр-но!”

Капитан Синтия Лектер, начальник штаба Десятого Флота, не была особенно крупной женщиной, но ее голос был твердым и резким, и мужчины и женщины, собравшиеся в большой комнате для совещаний, поднялись, когда Мишель Хенке, графиня Золотого Пика и командующая Десятым Флотом, вошла в отсек вместе со своим заместителем.

Эта комната для совещаний была необычайно переполнена, и выражение лиц ее обитателей было гораздо мрачнее, чем можно было ожидать от людей, которые только что завоевали целую звездную систему, не сделав ни единого выстрела.

"Конечно, в этом-то все и дело", - подумала Золотой Пик, когда они с Лестером Турвилем подошли к столу в центре отсека. Она уселась в кресло во главе стола, Турвиль сел справа от нее, и она кивнула.

“Садитесь, леди и джентльмены,” - пригласила она, и ее хриплое контральто прозвучало более мрачно, чем обычно.

Послышалось шуршание, и собравшиеся командиры эскадр и дивизионов, мантикорцы и хевениты, располагавшиеся вокруг стола, повиновались команде. Она позволила им всем расположиться, затем расправила плечи и оглядела эти мрачные лица.

“Я знаю, что всем нам сегодня утром хотелось бы оказаться в другом месте,” - сказала она. “К сожалению, этот мешок со змеями не станет лучше, где бы мы ни были. Похоже, что нас все равно укусят, но я не хочу, чтобы слухи или дезинформация распространились по флоту, если мы сможем предотвратить это. Видит Бог, мы не сможем остановить или контролировать то, что говорят мезанцы и солли. Я, по крайней мере, хотела бы свести к минимуму более дикие версии среди наших собственных людей. Как бы мы ни действовали, исходя из этого пункта, между нашими людьми и мезанцами будет много контактов, - уже есть много контактов, - и они могут только увеличиться, и я не хочу, чтобы с нашей стороны что-либо делало этот контакт более спорным, чем он должен быть. И, честно говоря, в этом отношении я меньше беспокоюсь о наших Флотских силах, чем о наших Сухопутных войсках.”

Она посмотрела вдоль стола туда, где бок о бок сидели двое из тех немногих присутствующих, кто не был одет во флотскую форму.

Генерал Сьюзен Гибсон командовала Сухопутными войсками под началом Десятого Флота. Ее лицо было темным, - намного светлее, чем у Золотого Пика, но темнее, чем у большинства других в отсеке, - и ростом чуть больше полутора метров, она была самой низкорослой из присутствующих. Хотя некоторые особо безрассудные души могли бы точно описать ее как “маленькую”, возможно, даже “крошечную”, никто никогда не допустил бы ошибки, применив прилагательное “хрупкая” к ее крепкому мускулистому телу. Она была так же сильна морально, как и физически, и, несмотря на свою нынешнюю, ужасную задачу, она спокойно

встретила взгляд своего адмирала.

Генерал Саартъе ван Хеемскерк, ее заместитель, сидела рядом с ней. Ван Хеемскерк была на двадцать сантиметров выше и на двадцать стандартных лет старше Гибсон, и являлась уроженкой системы Рембрандт. На самом деле она была третьей или четвертой кузиной Бернардуса Ван Дорта, с рыжими волосами, слегка тронутыми серебром, и серыми глазами. Она также была старшим офицером планетарных боевых сил Гвардии Квадранта Талботт, которые были направлены на поддержку Десятого Флота губернатором Медузой и премьер-министром квадранта Альказаром. Золотой Пик отколола изрядный кусок этого войска, могущего служить резервом для нового правительства, формирующегося в системе Мейерс, и флотских сил, реагирующих на операции Мезанского Соглашения под фальшивым флагом. Она опиралась на большинство из них, а это означало, что в нынешнем списке ван Хеемскерк числится чуть больше трех четвертей миллиона мужчин и женщин.

Это была большая боевая мощь, и кто-то в возрасте ван Хеемскерк и с таким количеством мужчин и женщин под ее непосредственным командованием мог бы с полным основанием быть недовольным при мысли о службе под началом кого-то, кто никогда не командовал силами больше, чем пара батальонов за всю свою карьеру. На самом деле, Золотой Пик, вероятно, поменяла бы их с Гибсон роли при обычных обстоятельствах, несмотря на ее собственное глубокое уважение к морпеху. К несчастью, или к счастью, в зависимости от точки зрения, Генри Крицман, Военный министр Квадранта Талботт, поднял экспедиционные силы Гвардии Квадранта Талботт специально для службы под командованием Королевского флота Мантикоры и Морской пехоты.

Золотой Пик не была уверена, что она согласна с такой политикой, но Иоахим Альказар, премьер-министр Квадранта Талботт, был настойчив. Гвардия Квадранта даже не существовала до того, как сектор Талботт стал Квадрантом Талботт Звездной Империи Мантикора, и она была создана путем объединения существующих военных учреждений всех семнадцати звездных систем Квадранта в качестве средства помощи в защите Квадранта. Это была все еще очень новая организация, состоящая из отдельных "национальных" подразделений, объединенных вместе, каждое со своей собственной организацией и структурой рангов, и некоторые из недавно Объединенных звездных систем были менее чем симпатичны некоторым другим недавно объединенным звездным системам до их совместного принятия в Звездную Империю.

Учитывая возможность внутреннего соперничества и потенциально катастрофических споров о старшинстве и власти, Альказар и Крицман настаивали на том, что всякий раз, когда Гвардия призывалась на действительную имперскую службу, она должна была переходить под командование флота и Морской пехоты.

Золотой Пик понимала их логику, хотя и беспокоилась о возможном недовольстве мужчин и женщин, которые, подобно ван Хеемскерк, всю свою карьеру служили в армии своих родных звездных систем, дослужившись до генеральского чина, только чтобы оказаться в подчинении у кого-то, вроде Гибсон, двух третей своего возраста и вдвоем младше по званию. Она спокойно дала понять Альказару, Крицману и баронессе Медузе, что сомневается в конечной устойчивости этой политики. В настоящее время, однако, она была готова принять ее, особенно в свете все еще довольно неопределенного характера слияния отдельных участвующих военных.

К счастью, Крицман, очевидно, не случайно выбрал ван Хеемскерк командовать экспедиционным корпусом. Она была спокойным, компетентным профессионалом, и если она и испытывала какое-то беспокойство по поводу службы под командованием Гибсон, то Золотой

Пик никогда не видела никаких признаков этого.

“Причина, по которой я больше беспокоюсь о наших Сухопутных войсках, чем о Флоте, - продолжала она, - заключается в том, что наши сухопутные войска будут иметь больше контактов с мезанцами на улице, чем Флот. Они ничего не могут с этим поделать. Это означает, что они, скорее всего, столкнутся с активно враждебными ситуациями и очень важно, чтобы мы избежали ненужной эскалации. Но не поймите меня превратно. Нет, я не хочу ненужной эскалации, но, учитывая ситуацию на поверхности, любой признак слабости или неуверенности с нашей стороны будет еще хуже. Гораздо хуже. Я не пытаюсь создать здесь какую-то "двусмысленность". Генерал Гибсон, я полностью доверяю вам и генералу ван Хеескерк, а вы мне. Используйте свое суждение, но руководствуйтесь твердым пониманием того, что сохранение жизни ваших людей является вашим наивысшим приоритетом, за которым следует сохранение общественного порядка и авторитета Большого Альянса на улицах Менделя и во всех других городах и поселках на Мезе.

Это было бы достаточно трудное задание при любых обстоятельствах, учитывая количество сессиз и генетических рабов, вовлеченных в это, и насколько сильно, - и насколько оправданно, - многие из них хотят отомстить системе до вторжения и людям, которые управляли ею. Это будет чертовски трудно, поэтому очень важно, чтобы вы координировали свои действия как можно теснее с Флотом и с генералом Палэйн и ее Союзом граждан. И также важно, чтобы никто из наших людей, - Флот, Морская пехота, Гвардия, манти, талботцы, хевениты или грейсонцы, - не сомневался в том, что мы не сбрасывали атомные бомбы на планету после ее капитуляции.”

Она помолчала, мрачно оглядывая отсек.

“Должно было быть простым делом доказать, что мы этого не делали. К сожалению, тот факт, что мы не можем доказать, кто это сделал, означает, что это очень непросто. Даже такая газетчица, как Одри О'Ханрахан делает выводы на основе того, что она знает, и того, что мы не можем опровергнуть, и я думаю, что будет только хуже. Тот факт, что на нашей стороне, несомненно, есть люди, которые считают, что мы должны были сбросить ядерную бомбу на планету, пока не рвануло, не поможет, и если кто-то, - а я имею в виду любого, - кто предполагает, что то, что произошло, хорошо, я хочу, чтобы этот человек передумал. Я хочу, чтобы он остановился немедленно, и очень хорошо подумал. Пока, - пока - у нас есть подтвержденное число погибших, превышающее пять миллионов и все еще растущее. Ничто не могло оправдать хладнокровное убийство такого количества гражданских лиц, и лучше бы мне не слышать ни единого слова о том, что такое могло случиться. Я хочу, чтобы это было совершенно ясно каждому мужчине и женщине в военной форме. Это понятно?”

Все за столом закивали головами. Она позволила тишине ненадолго затянуться, а затем ответила на эти кивки единственным своим собственным.

“В таком случае, Синтия, - сказала она, обернувшись, - что нам известно на данный момент?”

“Мы знаем ненамного больше, чем знали, Миледи,” - ответила капитан Лектер без колебаний и извинений. Начальник штаба был одновременно и офицером разведки Золотого Пика. Это был нелегкий груз для одного человека, учитывая обстоятельства, но каждый раз, когда Золотой Пик думала о том, чтобы снять этот груз с нее, Лектер снова демонстрировала, что она была несомненно наилучшим кандидатом для этой работы.

Обеих работ.

“Мы просеяли много данных и уточнили то, что нам известно, - продолжала капитан, - но большая часть из них только оставляет нам больше вопросов. Окончательное количество планетарных ядерных взрывов - сорок один. В дополнение к взрыву Лагранжа-один, на орбите Мезы было еще девятнадцать и в общей сложности двадцать три рассеяны по всей внешней системе. Немало последних произошло в тех местах, где по данным астроконтроля Мезы взрываться было нечему.”

Начальник штаба оглядела кают-компанию.

“Как только что сказала адмирал, подтвержденное число погибших по состоянию на два часа назад составляет пять целых три десятых миллиона. Я ожидаю, что оно превысит шесть миллионов, прежде чем мы закончим, хотя, учитывая характер атаки, у нас не будет даже близко столько реальных тел, чтобы похоронить.” Ее голубые глаза потемнели, выражение лица стало мрачным. “Это ‘всего лишь’ около половины процента всего населения системы, и оно в значительной степени сосредоточено среди полноправных граждан, но также было убито более чем достаточно граждан второго класса и рабов. Я сомневаюсь, что есть хоть один человек на планете, - а возможно и во всей системе, - который не потерял бы хотя бы одного друга или члена семьи. И... - она перевела взгляд на командера Доминику Аденауэр, офицера оперативного отдела Золотого Пика, - если кто-то в галактике и понимает, какую ненависть и горечь могут породить эти люди, так это мы.”

Она помолчала, давая ей это осознать, затем глубоко вздохнула.

“Что до того, кто это сделал, - мы не знаем. У нас появились кое-какие подозрения, но это все, что у нас есть сейчас. Адмирал Золотой Пик запросила отправку разведывательных групп с Мантикоры, чтобы помочь нам выяснить, что, черт возьми, происходит. Но пока мы не получим ответа, все зависит от нас, и вот что мы имеем на данный момент.

Во-первых, все эти взрывы, по крайней мере на планете, были результатом ядерных взрывов, которые уже были на месте, а не чего-либо доставленного на поверхность из космоса. Во-вторых, каждый отдельный взрыв на поверхности земли и все детонации на орбите планеты произошли менее чем за девяносто секунд, что, очевидно, “доказывает”, что мы это сделали.”

“Простите, что прерываю вас, капитан Лектер, но как время “доказывает” что-либо подобное?” - спросила вице-адмирал Дженнифер Бельфёй. Хевенитский Адмирал, командовавшая 101-й Оперативной группой Лестера Турвиля, казалась искренне заинтересованной, и Лектер мрачно улыбнулась.

“Это из-за узости временного окна, мэм,” - ответила она. “Если бы предполагалось, что это продолжение “террористических атак”, о которых сообщили агент Каша и генерал Палэйн, они не должны были происходить так плотно. Таким образом, время четко указывает на то, что они были предназначены для вовлечения нас, - конкретно Десятого Флота, - поскольку мы могли, предположительно, координировать наши атаки с массовыми жертвами более жестко, чем группа террористов, использующих украденные коммерческие мезанские ядерные заряды.”

Бельфёй понимающе кивнула, и начальник штаба продолжила.

“Мы немного озадачены некоторыми аспектами времени, но я думаю, что мои люди, возможно, преследуют тени в этом отношении.”

“Какой смысл это имеет, капитан?” Вопрос задал Оливер Диамато, еще один командир оперативной группы Турвиля.

“Лейтенант Уивер, один из моих аналитиков, полагает, что картина была слишком случайной,” - ответила Лектер. “Он рассчитал взрывы по времени и расстоянию друг от друга и нашел закономерность... в некотором роде. Они как бы играют в классики по всей зоне, в которой они произошли, и у него от природы подозрительный характер. Одна из вещей, которые мне в нем нравятся.” Она сверкнула быстрой улыбкой. “Он недоумевал, почему, если они использовали таймеры, был такой большой разброс с самого начала. Они должны были ударить сильнее, чем они это сделали, что, по-видимому, было бы еще более убийственно с точки зрения нашей ответственности за это. Но если они не собирались производить одновременные взрывы, то почему взрыв номер один должен быть на полпути вокруг планеты от взрыва номер два, а взрыв номер три менее чем в пятистах километрах от взрыва номер один и взрыва номер четыре на низкой орбите Мезы?”

Это было первое, что он заметил. Но затем он заметил, что - учитывая задержку передачи с поверхности Мезы, - каждый взрыв за пределами орбиты Мезы был одновременным. Таким образом, ему кажется ясным, что эти взрывы, те, что за орбитой Мезы, являются результатом переданного сигнала детонации. Если это правда, то почему их не было на поверхности планеты или на низкой орбите? Зачем ставить их на таймеры, а потом использовать передачу, чтобы взорвать остальные?”

Я бы сказал, что тот же самый вопрос возникает и у меня, Синтия, учитывая этот набор данных,” - вставил контр-адмирал Майкл Оверстейген, и Лектер пожала плечами.

“Уивер очень умный парень, сэр, так что я не списала его наблюдения полностью, но самое простое объяснение было бы в том, что передача шла по таймеру. Я имею в виду, что заряды в глубоком космосе были взорваны по команде с помощью одной передачи, но эта передача была отправлена с управляемого таймером кома где-то на Мезе.”

Оверстейген кивнул, и начальник штаба снова пожала плечами.

“Тем не менее, альтернативная теория, - та, которую предлагает Уивер, и я должна добавить, что даже он предлагает ее только как одну из возможностей, - заключается в том, что все они были взорваны по команде, но кто-то хотел быть чертовски уверен, что никто не сможет вычислить, где возникла команда детонации, анализируя время взрывов, учитывая задержки скорости света, и отследить общий локус.”

“Значит, вы предполагаете, что существовала некая точка, либо на планете, либо на околоземной орбите, откуда передавалась эта команда?” Бельфёй размышляла вслух, выражение ее лица было напряженным. “В какой-то момент Согласие хотело помешать нам идентифицировать его источник?”

“Я знаю, что это звучит странно, мэм, но, как я уже сказала, я не готова полностью списать это со счетов. Я просто не готова одобрить это без дополнительных подтверждающих доказательств,” - сказала Лектер. Никто, с мрачным юмором заметила Золотой Пик, принимая во внимание то, что еще предстояло сделать, не оспаривал то, как Бельфёй обозначила группу, стоявшую за взрывами. “Но совершенно очевидно, что люди, стоящие за этим, были очень искусными и что это не был какой-то поспешно импровизированный ответ. Так что вполне возможно, что он на что-то наткнулся, учитывая, насколько... беспорядочным было распределение атак. И даже если он ошибается насчет того, почему они были такими беспорядочными, он прав, что степень беспорядочности статистически необъяснима.”

“Интересно,” - задумчиво произнес Оверстейген.

“Как я уже сказала, это интригующая теория, но я сомневаюсь, что мы когда-нибудь сможем подтвердить или опровергнуть ее, сэр.”

Лектер помолчала, оглядывая стол переговоров, словно приглашая к дальнейшим комментариям.

“Третий важный момент, связанный с самими взрывами, - продолжала она, когда никто не заговорил, - заключается в том, что никто, похоже, не склонен принимать тот факт, что заряды уже были на месте.” Выражение ее лица стало еще более мрачным. “Преобладает мнение, что это были ядерные удары, нанесенные с орбиты.”

“Это смешно,” - категорически заявила контр-адмирал Онасис, командующая 106-й эскадры. “Это были ядерные взрывы, и нет никаких причин для нас использовать ядерное оружие для уничтожения планетарных целей! Кинетический удар был бы намного проще, намного быстрее и намного дешевле!”

“Конечно, Шуламит,” - сказала Золотой Пик. Онасис посмотрела на нее, и она пожала плечами. “Но любой хороший конспиролог знает, почему мы этого не сделали. Именно для того, чтобы мы могли доказать, что это на самом деле были не мы.”

“А как же следы ракет, Миледи?” - спросил Диамато. “Как же мы должны были доставить ракеты на поверхность планеты, чтобы никто не заметил их приближения?”

“Ты ожидаешь, что это сведет с ума сторонника теории заговора, Оливер?” В голосе Лестера Турвиля звучало отвращение, а древесный кот, развалившийся на спинке его стула, издал звук, имеющий нечто среднее между отвращением и темной яростью. “Есть много людей, которые собираются указать, что мы захватили все Мезанские военные корабли в системе. Мы еще не успели обезопасить все их космические платформы, но неужели вы думаете, что люди будут беспокоиться об этом? В любом случае, у нас был полный контроль над любыми сенсорными данными, которые кто-либо в системе мог записать, не так ли? Ну конечно же, мы сделали это! И поскольку мы это сделали, любые данные, которые мы передаем, не показывают следов ракет, так как, очевидно, они были зачищены, прежде чем мы их выпустили. Кроме того, как указывает Шуламит, мы были достаточно близко, чтобы использовать кинетический удар. Нет никаких причин, по которым нам нужно было бы запускать двигатели ракет, чтобы доставить ядерное оружие на дно гравитационного колодца!”

“Но даже без импеллеров кто-то должен был видеть, как они входят в атмосферу, сэр,” - заметил Диамато. “Особенно на ночной стороне планеты.”

“Мы думали об этом, сэр, - сказала Лектер, - и это определенно заслуживает упоминания в наших собственных пресс-релизах. Но у нас было более трех дюжин катеров в атмосфере, направляющихся к нашим начальным посадочным зонам, если уж на то пошло, дюжина уже была на земле, когда начались взрывы. Это значит, что нам не нужно было ничего доставлять с орбиты. У нас было много платформ, достаточно близких, чтобы справиться со всем с помощью старомодных свободно падающих бомб, которые никогда бы не достигли скорости, на которой кто-то бы их заметил, если бы мы захотели.”

Диамато на мгновение растерялся. Затем его лицо напряглось, и он кивнул.

“Эти убления скажут то же самое, не так ли?” - сказал он тоном глубокого отвращения.

“Конечно, да.” Турвиль фыркнул. “Со временем любое по-настоящему бескорыстное расследование докажет, что мы этого не делали. Однако на это потребуется время, и

неудивительно, что газетчики, которым с самого начала не очень нравится Большой Альянс, усиливают давление. Даже те, кто не предубежден против нас, как Ханрахан и Шигеру, должны задаться вопросом, кто на самом деле это сделал, когда все доказательства, которые мы можем предоставить, что это были не мы, отрицательны, и наш единственный альтернативный злодей - межзвездные заговорщики, в существование которых большинство из них даже не верит! К сожалению, мы изучаем краткосрочные последствия и то, как Мандарины могут использовать нарушение Эриданского эдикта против нас."

"Согласна," - сказала Золотой Пик. "Боюсь, это подводит нас к еще одному неприятному моменту. Люди Синди обнаружили кое-что, что на самом деле беспокоит меня даже больше, чем то, как Согласие и солли могут использовать взрывы против нас."

Несколько глаз расширились от страха, - и недоверия - при мысли о возможности чего-то худшего, чем предполагаемое нарушение Эриданского эдикта.

"До сих пор, - продолжала Золотой Пик, - мы официально не признали Союз граждан генерала Палэйн законным правительством Мезы. Даже при том, что она и Дусек решительно поддерживают нашу позицию в этом отношении, есть сессиз и генетические рабы, которые все больше недовольны этим отсутствием признания. В долгосрочной перспективе, это еще один элемент, о котором мы должны беспокоиться, потому что здесь гораздо больше сессиз и генетических рабов, чем граждан первого класса, и они никогда не были лишены избирательных прав. Они хотят, чтобы это изменилось, и они хотят, чтобы это изменилось быстро, и они абсолютно правы, желая того и другого. Но пока мы не убедимся, что Союз граждан не превратится в очередной Комитет общественной безопасности, мы не собираемся его узаконивать."

Она взглянула на старших хевенитов, сидевших вокруг стола, и Турвиль фыркнул и потер усы костяшками пальцев.

"Если вы не возражаете, Миледи, я скажу, что за последние несколько недель вы наговорили немало умных вещей. Но, возможно, это была самая умная из всех."

Остальные офицеры ФРХ кивнули в глубоком согласии, и Золотой Пик подавила тайный вздох облегчения. Она ожидала, - по крайней мере, надеялась, - что ониотреагируют именно так, но сравнение было необходимо. Не потому, что она верила в то, что Танди Палэйн или даже Юрген Дусек были Робом Пьером или Оскаром Сен-Жюстом в процессе становления, а потому, что революционные движения имели привычку ускользать от контроля своих первоначальных лидеров. И потому что на Мезе было так много людей, у которых было так много причин желать кровавой мести своим бывшим хозяевам.

"В рамках миротворческой операции генерала Гибсон мы создали узловые силы безопасности, призванные перекрыть прямые контакты между Союзом граждан и районами, которые все еще управляются, - под нашим руководством, - существующими гражданскими властями Правительства системы Меза," - продолжила она. "Мы внедриli сотрудников отдела разведки и уголовного розыска в эти узловые подразделения, а также в различные полицейские силы, которые мы сейчас контролируем. Большая часть их функций является открытой и честной, и только этого можно ожидать в данных обстоятельствах. Они наметили для нас существующие правоохранительные и административные перспективы, потому что у нас не было времени сделать это до того, как мы пришли. Мы должны получить контроль над всеми этими органами власти как можно быстрее, но мы должны узнать о них достаточно, чтобы избежать разрушения системы, прежде чем мы заменим систему."

Однако, за этим прямым аспектом своей деятельности они также искали Согласие. Плохая новость, - и, боюсь, это может оказаться очень плохой новостью, - в том, что им не пришлось очень сильно искать, прежде чем они его нашли ". Волна замешательства прокатилась по отсеку, и она улыбнулась без тени юмора, затем жестом подозвала Лектер.

"Синтия?"

"Адмирал имеет в виду, - мрачно сказал Лектер, - что до сих пор мы идентифицировали буквально десятки людей, принадлежащих к Согласию. Люди, которые охотно признают, что это так, если уж на то пошло. И ни один из них ни черта не знает о Ударе Явата, операциях под фальшивым флагом в таких местах, как Мебиус, политических манипуляциях в Республике или Звездной Империи, или о чем-либо еще, активно враждебном интересам Большого Альянса или любого из его членов."

Она сделала паузу, чтобы дать им это осознать.

"Ну, конечно, никто не признается в этом, капитан," - заметила Онасис через несколько секунд.

"Может быть и нет, мэм," - согласилась Лектер. "Но дело не только в том, что они этого не признают. Они положительно отрицают это... перед детекторами лжи и даже перед группой древесных котов, которых мы взяли с собой."

И проблема в том, что они говорят правду, когда об этом говорят."

"Оперативная безопасность." Онасис пожала плечами. "Мы также не будем распространять такого рода информацию за пределами самого маленького из возможных кругов "необходимости знать"."

"Детали чего-то вроде Удара Явата нет," - почтительно ответила Лектер. "Но мы говорим не об этом. О, никто ничего не знает о Ударе Явата, - или, по крайней мере, никто из тех, с кем мы говорили до сих пор. Но, похоже, никто ничего не знает ни об одной из операций Согласия, которые мы выявили. Каждый из них согласен с тем, что существует Мезанское Согласие, и каждый из них презирает Рабсилу и правительство системы Мезы в целом. Они принадлежат к "тайной организации", единственной целью которой является уклонение от запрета Кодекса Беовульфа на добровольное генетическое улучшение вида в их собственных случаях, а не на принудительное переустройство человечества в целом, и им наплевать на политику солли или Мантикоры, за исключением того, что до тех пор, пока мы не начали "лгать" о них, они восхищались нашей позицией против генетического рабства."

Они организованы и работают "под землей" исключительно из-за оппозиции, с которой, как они знают, они столкнутся со стороны тех из нас, кто настолько отстал, что все еще против любой мысли о генетическом усовершенствовании, и они даже не мечтают навязать свое решение кому-либо еще. И причина, по которой они презирают Рабсилу, - помимо тех же философских возражений, которые разделит бы любой разумно нравственный человек, - заключается в том, что генетическое рабство, это то, что, по их мнению, поддерживает негативный образ генетических изменений и, таким образом, создает дополнительный барьер тому, что они, их родители и их бабушки и дедушки пытались сделать в тайне здесь, на Мезе, в течение многих поколений.

"Хотелось бы мне думать, что ты шутишь по этому поводу, Синтия," - медленно произнес Оверстейген после долгого молчания. "Но ведь это не так, правда?"

“Нет, сэр, это не так.” Лектер покачала головой. “Мы видим много гнева, - ярости, на самом деле, - от тех членов Согласия, которых мы идентифицировали из-за того как мы их оскорбили. Не только потому, что они считают, что мы обвинили их лично, - и ложно, - в убийстве всех убитых во время Удара Явата, но и потому, что если кто-то поверит нам, то способ, которым мы осудили их, изобразив монстрами, может только отбросить все, что они пытались сделать. Хуже того, каждый тест, который мы можем применить покажет, что они абсолютно искренни, когда говорят это. Мы, конечно, не можем доказать, что это не так, и если мы не можем, - особенно с котами, которые нам помогают, - то я не могу придумать кто бы еще смог. Да и кто вообще захочет, если уж на то пошло.”

“Боже мой,” - пробормотал кто-то, и Золотой Пик хрипло рассмеялась.

“Вот именно,” - сказала она. Все глаза обратились к ней, и ее улыбка была мрачной.

“Позвольте мне перейти прямо к делу,” - сказала она им.

“Во-первых, нас обвинили в нанесении ядерного удара по сдавшейся планете, в вопиющем нарушении Эриданского эдикта, и нам чертовски трудно будет доказать, что мы этого не делали. Как говорит адмирал Турвиль, даже если нам удастся найти доказательства, которые убедили бы беспристрастного судью, мы не найдем никаких беспристрастных судей, чтобы доказать это. Если уж на то пошло, нам так и не удалось убедить большинство солли, что мы не активировали бомбу в Грин Пайнс!

Во-вторых, наша вера в злое, гнусное, убийственное "Мезанское Согласие", которое убило миллионы Мантикорцев, и было непосредственно ответственно за все кровопролитие после того, как мы возобновили военные действия, точно объясняет, почему мы сбросили ядерную бомбу на Мезу в отместку, как только у нас появился шанс. В лучшем случае, мы настолько преступно глупы, что убедили себя в том, что эта изначально мирная "тайная организация" на самом деле является огромным, злым, многовековым заговором, - направленным на уничтожение всего известного межзвездного порядка, по какой-то причине известной только ей самой, - и вознамерились завоевать, а затем нанести ядерный удар по невинной планете в какой-то лживой "самообороне".

В худшем случае, мы никогда не верили ни во что подобное, все наши обвинения были не более чем предлогом для оправдания грубого империализма, в котором Мандарины обвиняли нас с самого начала, и мы цинично готовы были убить миллионы мезанцев, чтобы совершить еще одно преступление против человечества, в котором мы могли бы обвинить нашу версию Мезанского Согласия, чтобы оправдать то, что мы уже сделали, и тот факт, что мы намерены продолжать делать это.”

Она остановилась посреди звенящей тишины, и ее улыбка стала еще холоднее и мрачнее.

“Если кто-то готов найти светлое пятно во всем этом, пожалуйста, поделитесь им со мной сейчас.”

Башня Грегора Менделя

Город Леонард

Система Дариус

Тишина была столь же холодной, сколь и полной.

Она держалась там, отравляя идеально кондиционированный воздух конференц-зала, больной от горя... и ненависти.

“Черт побери,” - наконец произнес Колин Детвейлер хриплым от боли голосом. “Черт побери! Я говорил ему, чтобы он убирался пораньше! Я ему говорил!”

“Ну конечно ты говорил,” - тяжело вздохнул его брат Бенджамин. “Мы все говорили, Колин. Но он был слишком упрям, слишком легкомыслен, слишком безголов, чтобы последовать нашему совету! А еще... а еще ...”

Его голос сорвался, и он на мгновение прикрыл глаза ладонями.

“И чертовски предан,” - продолжил он через мгновение, прикрывшись руками. “И слишком решительно настроен делать свою работу.”

“И он чувствовал себя слишком виноватым из-за того, что поторопил Гудини,” - очень-очень тихо сказал Франклин Детвейлер. Остальные посмотрели на него, и он пожал плечами. “Я не сказал, что он был неправ, когда сделал это. Я сказал, что он чувствовал себя виноватым, и вы все это знаете. Черт возьми, все мы так думали! И не только потому, что сопутствующий ущерб стал намного хуже, когда мы активировали его раньше.”

С минуту никто больше ничего не говорил. Затем Бенджамин глубоко вздохнул.

“Ты прав,” - признал он. “Конечно, ты прав. И это была еще одна причина, по которой мама отказывалась уезжать без него.”

Все кивнули, кроме Колина. Колин не стал спорить с остальными, но его горе, - и внутренний гнев, - были еще глубже, чем у них. Он был заместителем их отца, когда Альбрехт приказал начать Гудини. Он помог спланировать его ускорение и реализацию.

И он был тем, кто установил срок в три стандартных дня, - всего семьдесят два часа, - до того, как их родители уберутся с Мезы живыми.

Он еще долго будет винить себя за это. Это была не его вина. Он знал это. И он еще долго будет винить себя.

“В этом не было бы необходимости, если бы не чертовы манти.” - голос Жерве превратился в рычание. “Во всем виновата эта проклятая неуправляемая боеголовка Золотой Пик. Если бы она не была такой маньячкой, если бы мы не знали, что она придет на Мезу так скоро, как только сможет, нам не пришлось бы так торопить Гудини, и мама с папой были бы прямо сейчас здесь, на Дариусе.”

Ему ответом было что-то вроде глухого рычания, но Колин покачал головой.

“Возможно, Золотой Пик и спустила курок, но это была не только она. Это была вся ее проклятая "Звездная Империя" и их проклятые друзья. Все до единого. Елизавета, Мэйхью, Причарт... и эта сука Харрингтон.”

На этот раз рычание было каким угодно, только не тихим, и Бенджамин отрывисто кивнул. Его жесткая, честная сущность признавала, что все, что делали Мантикора и ее союзники, было в конечном счете оборонительным. Что само это совпадение привело в движение все, что вело к Гудини. Но это не означало, что Жерве и Колин ошибались. Если бы Мантикора и Хевен не превратили себя в блокпосты, которые должны были быть разрушены, - или, по крайней мере,

нейтрализованы, - ничего из этого не было бы необходимо делать. И хотя было бы несправедливо сваливать все их несчастья на Хонор Александер-Харрингтон, - такие имена, как Белая Гавань, Тейсман, Турвиль, Вебстер, Терехов, Капарелли и Янаков заслуживали почетного упоминания в этом списке, - он разделял особую ярость своего отца против Александер-Харрингтон.

Она должна была быть нашей, черт возьми! - с горечью подумал он. Она была бы нашей, если бы не эта глупая, глупая...

Он заставил себя остановиться и сделать глубокий мысленный вдох. Геном Харрингтонов был не единственной Альфа-линией, которую Согласие потеряло за Т-века. Возможно, он не был бы... потерян, если бы Ричард и Марджори Харрингтон не мигрировали из Мейердала в Звездное Королевство все эти Т-годы назад, но это все еще могло произойти. Иногда поколение просто не находило подходящего кандидата для одной из тайных линий, и когда не было кандидатов, которых можно было бы выдвинуть и подготовить для их роли в плане Детвейлера, они просто должны были отпустить эту линию. Риск выдать себя, если они выберут неподходящего кандидата и не осознают этого вовремя, чтобы устранить его до того, как он узнает слишком много, был просто неприемлемым. Иногда, - довольно часто, на самом деле, - можно было проследить за "потерянной линией" и определить кандидата, который был бы подходящим в следующем поколении и так далее..

Но никто не мог рассчитывать на это, особенно когда одна из ветвей кандидатов отправилась в отдаленную пустошь Окраины... которой и было Звездное Королевство Мантикора все эти Т-столетия назад. Таким образом, геном Харрингтон был просто списан, хотя некоторые из его характеристик, - модификация Мейердала были чрезвычайно мощной отправной точкой, - были включены в другие Альфы. Даже геном Детвейлера извлек из этого выгоду. Но никто и представить себе не мог, какую роль линия Харрингтон сыграет в том, чтобы помешать операции Согласия. Трудно было представить себе хоть одного человека, - кроме Роджера и Елизаветы Винтон, - который сделал бы больше, чтобы помешать их усилиям в секторе Хевен.

Неудивительно, что папа всегда так злился на то, как она ломает нам коленные чашечки, с горечью подумал он. А теперь она командует их проклятым Большим Флотом... и папа с мамой мертвы из-за ее проклятой лучшей подруги!

"Хорошо," - сказал он вслух. "Мама и папа ушли. Как бы мне хотелось, чтобы капитан Эббот смогла вытащить их с планеты. Я знаю, что все вы тоже, но я скажу вам прямо сейчас, что нет другого человека в Дариусе, который чувствует себя хуже, чем Эббот. Она ненавидела это, но у нее было больше двухсот других наших людей на борту, она была слишком далеко от планеты, чтобы вытащить маму и папу до того, как Золотой Пик окажется на орбите, и папин приказ не пытаться не был отменен. Я хочу, чтобы вы все это поняли, - и приняли. Она хороший офицер, один из моих лучших, и я не хочу, чтобы кто-то из нас вымещал свое горе на ней или на ее команде."

Остальные тоже посмотрели на него. Глаза Жерве потемнели, и Бенджамин засомневался, сможет ли он перестать винить Эббот в случившемся. Но это была эмоциональная реакция, умом Жерве все понимал, что бы ни говорило его сердце, и после долгого напряженного момента младший брат Детвейлера кивнул.

"Хорошо," - сказал Бенджамин и уцепился за переносицу. "И с учетом сказанного, что мы будем делать дальше?" Он опустил руку и оглядел полированный стол. "Предложения?"

Несколько секунд все молчали. Им потребовалось много времени, чтобы отвлечься от общего

горя, но, наконец, Франклин пошевелился.

“Я думаю, самое главное, чтобы мы не тратили это впустую, - сказал он. - Мама и папа умерли вместе с Гудини, но мы все знаем, как папа планировал использовать ускорение Гудини. Как бы он хотел, чтобы мы использовали его теперь, когда он ушел. И мне неприятно это говорить, но то, как это в конце концов произошло, вероятно, сделает это еще более эффективным.”

Колин и Жерве кивнули, но ни один из них ничего не сказал. Вместо этого все четверо посмотрели на Бенджамина, и старший из сыновей Альбрехта Детвейлера почувствовал тяжесть этих глаз. Они уже не в первый раз ждали его реакции на что-то. Он был старшим заместителем своего отца почти пятьдесят стандартных лет. Но они больше не смотрели на него как на заместителя Альбрехта Детвейлера. Теперь они смотрели на него как на преемника Альбрехта, и он впервые по-настоящему понял, какое бремя так долго нес его отец.

“Ты прав, Франклин,” - сказал он через мгновение. “Вопрос в том, как нам сделать его более эффективным, и многое из этого больше по вашей части, чем по чьей-либо еще.”

Франклин серьезно кивнул. Бенджамин мог быть старшим заместителем Альбрехта и главой Согласия по военным вопросам, но Франклин был главным политическим стратегом Согласия. Из всех них он лучше всех чувствовал запутанные течения соларианской политики.

“Вот что я вам скажу, - сказал он с каким-то диким удовлетворением, - репортеры солли сойдут с ума. Время, выбранное отцом, было потрясающим.”

Тут ты прав, подумал Колин, и глаза его защищало от горя и гордости. И я гарантирую тебе, что папа все продумал, как и все остальное, прежде чем нажать на кнопку.

Он и Альбрехт надеялись и планировали, что ускорение Гудини позволит вывести как можно больше ключевых сотрудников из системы Мезы до его финальной фазы. Они знали, что не смогут вытащить всех, но все равно старались изо всех сил, и им удалось вытащить почти всех из основного списка. Они также получили более двух третей списка второй очереди... но у них не было времени, прежде чем они вообще добрались до списка третьей очереди. Альбрехт с самого начала боялся, что так оно и будет, и ненавидел это, - ненавидел, - что было истинной причиной, по которой он упрямо отказывался уходить до последнего корабля из второго списка. Но даже по первоначальному плану Гудини, физический след ядра луковицы в звездной системе точно так же должен был быть уничтожен.

Если бы у них было больше времени, это можно было бы устроить гораздо менее... эффектно и почти без сопутствующего ущерба, но времени у них не было, и перед лицом угрозы скорейшего неминуемого прибытия манти Альбрехт блестяще импровизировал. Ему не нравилось, что его импровизация обошлась слишком дорого, но он заплатил за нее без колебаний, и преимущества, которые она принесла, трудно было переоценить.

“У Франклина есть отличная точка зрения,” - сказал он вслух. “Когда папа рано активировал Гудини, все, чего мы в действительности ожидали, - обвинения в последних взрывах "террористов Балрум", ответственных за Грин Пайнс. Поскольку мы уже убедили солли, что за всем этим стоят манти, - и, черт возьми, именно Зилвицкий открыл протоколы безопасности ядерной бомбы для проклятых сесси, - было бы легко обвинить в этой "новой кампании ядерного терроризма" тех же самых людей. Но когда пришло время, папа решил вручить нам еще более острый меч.”

“Каким образом?” - спросил Дэниел. Колин удивленно поднял бровь, и он пожал плечами. “Я знаю, каков был первоначальный план, Колин. Мне просто интересно твое последнее

предложение. Как папа сделал его еще "острее"?"

"Время взрывов - это то, о чем ты думаешь, не так ли?" - спросил Бенджамин, прежде чем Колин успел ответить, и Колин кивнул.

"Согласно нашему первоначальному переосмыслению Гудини, эти взрывы должны были произойти в течение примерно тридцати шести часов", - сказал он Дэниелу. "Идея состояла в том, чтобы иметь своего рода катящееся крещендо к "террористической кампании", - той, которая действительно привела к тому, что эти сумасшедшие из Балрум были готовы сделать, - с помощью Мантикоры, - чтобы подчеркнуть всю операцию. Но то, что он сделал вместо этого, будет еще более эффективным."

"Как?" Дэниел выглядел недоумённый, но это было недоумение человека, который сообразил, что почти понял то, о чем ему сказали.

"Первоначальное время сделало бы их явно скоординированными, но не синхронизированными "террористическими атаками", - объяснил Колин. —Последовательность, которую он фактически использовал, я почти уверен, что знаю, какой именно, потому что мы обсудили полдюжины вариантов для заключительной фазы, была для наихудшего сценария, в котором Манти каким-то образом точно выяснили, что происходит, и немедленно начали тотальный поиск наших объектов. Он был сконструирован так, чтобы уничтожить все до того, как они что-нибудь найдут...а также для того, чтобы никто не понял, что первая команда на взрыв пришла с острова. Взрыв под домом заставит людей внимательно посмотреть на остров, несмотря ни на что, но мы не хотели, чтобы кто-то понял, что "необитаемый остров" на самом деле был центральным звеном всей линии.

В радиусе тысячи километров от него не было никаких других взрывов, что, вероятно, еще больше выделит его для аналитиков манти, и кто-то достаточно параноидальный, чтобы проанализировать последовательность взрывов, возможно, смог бы вычислить точку отдачи команды достаточно близко, чтобы заставить их действительно, в самом деле заинтересоваться тем, что, черт возьми, взорвалось в центре природного заповедника, который был прямо в середине их плана. Тем более что тот факт, что он был "необитаем", должен был сделать этот конкретный взрыв особенно подозрительным в первую очередь.

"В соответствии с пересмотренным планом Гудини, мы были менее обеспокоены этим, и до того, как Чернышев "прибрал" Маринеску и ее команду, она... уже имела дело с большинством групп списка третьего порядка, мы знали, что не собираемся их выводить. Так что на самом деле нас беспокоили физические отпечатки пальцев, средства, которые мы использовали, из которых хорошая команда криминалистов могла извлечь информацию, которой мы не хотели делиться. Большинство из них - особенно те, которые мы кооптировали у системного правительства или миротворческих сил вместо того, чтобы построить самим, - были бы законными целями террористов, так или иначе. Но судя по времени, которое использовал папа, очевидно, что последняя серия взрывов вовсе не была терактами. Ни одна террористическая группировка не может попасть в такое узкое временное окно. Так что единственными людьми, которые могли это сделать, был флот, контролирующий пространство вокруг планеты.

Репортеры, - и не забывайте, что у нас уже на планете была О'Ханрахан, чтобы возглавить обвинение против "террористов", - теперь не будут обвинять доверенных лиц манти, Даниэль. Елизавета, возможно, смогла бы отклонить по крайней мере некоторые из этих обвинений, указав, что никто не может реально контролировать группу террористов, достаточно сумасшедших, чтобы использовать ядерное оружие на гражданских объектах. Но это уже не "террористы". Это ее собственная двоюродная сестра, третья в очереди на Мантикорский

престол. Вот кого репортеры обвинят в этом. Я это гарантирую. И когда это дерьмо попадет в вентилятор...”

Он откинулся назад с уродливой улыбкой, и Даниэль понимающе кивнул. Сначала медленно, а потом все сильнее и быстрее.

«Согласен,» - сказал Бенджамин, и в его голосе прозвучало холодное, мрачное удовлетворение. “И ты прав, Колин. Это должно быть именно то, о чем думал папа. Он дал нам клин, чтобы загнать обе стороны в более экстремальные позиции, если мы используем его должным образом, и чем более экстремальны их позиции, тем меньше вероятность, что кто-то нажмет на тормоза... с обеих сторон. Таким образом, перед нами стоит вопрос, как мы попытаемся сформировать реакцию солли на все это.» Он оскалил зубы в улыбке, которая была еще уродливее и гораздо холоднее, чем у его брата. «Если предположить, что Золотой Пик не была достаточно умна, или достаточно быстра, чтобы закрыть терминал до того, как стало известно о ее нарушении Эриданского эдикта, они узнают об этом в Старом Чикаго в течение следующих тридцати шести-сорока восьми часов. С помощью стрик-драйва мы сможем связаться с нашими людьми на старой Земле через Уорнера в течение шести стандартных дней после этого.

Мы не сможем повлиять на первоначальную реакцию Колокольцева и других, но мы чертовски хорошо можем помочь... направить их последующее мышление. И как раз сейчас я действительно не думаю, что умеренность, это то направление, в котором мы хотим идти, не так ли?»

Башня Джорджа Бентона

Город Старый Чикаго

Старая Земля

Солнечная Система

“А потом, я думаю, нам нужно получить у Адмирала Кингсфорда еще одну информацию”, - сказал Иннокентий Колокольцев, откинувшись на спинку стула, пока Арнольд Килпатрик-Шустер, его старший помощник, делал заметки. “Я сомневаюсь, что у него есть какие-либо новые судьбоносные откровения, но учитывая заявление Гипатии о том, что она продолжает это слияние с Беовульфом, - и слухи, согласно которым они оба собираются просить о вступлении в проклятую Звездную Империю - я хочу быть уверен, что мы точно знаем, где именно на Фабиусе находится наш Флот.”

“Да, сэр”, - ответил Килпатрик-Шустер, записывая напоминание в блокнот.

“И это, если я не ошибаюсь, действительно приводит нас к концу списка дел.” Колокольцев покачал головой. “Трудно в это поверить.”

“Вы мне говорили что-то насчет того, чтобы никогда не говорить “мы закончили”, сэр?” - сказал Килпатрик-Шустер. “Кажется, что-то насчет искушения судьбы?”

“Наверное,» - признал Колокольцев, печально пожав плечами. “С другой стороны, за последний год или около того я обнаружил, что судьба не нуждается в искушении. Что бы мы ни делали, Арнольд, нас все равно кто-нибудь побьет!”

Килпатрик-Шустер поморщился, но Колокольцев заметил, что он не возражает. В конце концов...

Зазвенел ком. Он взглянул на дисплей, и его челюсть напряглась, когда он увидел мигающую срочность приоритетного запроса связи.

Возможно, ему не следовало так бесцеремонно относиться к судьбе.

“Боже мой,” - тихо произнесла Омосуе Квотермейн. “Мой Бог. И это подтверждено?”

“Если вы спрашиваете, является ли это официальным заявлением Манти, то нет,” - резко ответил Колокольцев. “Если вы спрашиваешь, уверены ли мы, что информация точная, то ответ, черт возьми, да.”

“Но почему?” - почти жалобно сказала Агата Водославская. Остальные Мандарины недоверчиво посмотрели на нее, и она быстро покачала головой. “Я не имею в виду, почему они это сделали, хотя я думаю, что это подходящий вопрос. Я имею в виду, почему они вообще выпустили эту новость? Иннокентий, вы сказали, что они позволили нашей миссии вернуться домой через Визигот, через гипертуннель. Если бы они закрыли терминал, наши люди все еще были бы в шестидесяти днях пути отсюда! Зачем дарить нам столько времени? Конечно, они могли бы использовать еще два месяца для работы над какой-нибудь легендой!”

“Я бы так и сделал,” - согласился Малахай Абруцци. “Но они, наверное, решили, что никто им не поверит, что бы они там ни говорили.” Он покачал головой, но если он казался таким же ошеломленным этой новостью, как и все остальные, то это было яркое, яростное изумление человека, который не мог поверить в оружие, которое только что вручил ему его противник. “Господи. Золотой Пик, должно быть, еще больший псих, чем Харрингтон! Нет никакого способа, чтобы они могли очиститься от этого, Агата. Кто-то, вероятно, убедил ее, что все будет выглядеть еще хуже, если они явно попытаются скрыть эту новость. Она, вероятно, надеется, что это убедит некоторых особо доверчивых идиотов, что они действительно, в самом деле не делали этого. В конце концов, если бы это было так, они бы постарались скрыть это, не так ли?” Он снова покачал головой, на этот раз с презрением человека, который многое “скрывал” в своей карьере.

“Проблема в том, что у них есть двенадцать с половиной миллиардов свидетелей, которые точно знают, что они сделали. Нет, на этот раз они с треском облажались.”

“Они действительно закрыли Визиготский Терминал для всех перевозок на пять дней,” - заметила Квотермейн.

“Само собой, закрыли. И если бы я был Золотой Пик, его бы, черт возьми, все равно закрыли,” - признал Абруцци. “Они, очевидно, решили пойти другим путем, но им сойдет с рук назвать эти пять дней законной заботой о безопасности, для того, чтобы убедиться, что ни один из страшилок из этого “Мезанского Соглашения”, которые, как они утверждают, стоят за всем этим, не сможет ускользнуть из системы. Но как только они захватили Астроконтроль и запустили процедуру поиска корабля за кораблем, этот предлог исчез. В этот момент они должны были начать беспокоиться о том, что если держать его закрытым это может только усилить подозрения всех, поэтому они должны были вернуться к пропуску по крайней мере столько же “существенного” трафика, сколько они пропускают через все другие, которые они захватили.”

“Я думаю, Малахай, вероятно, прав,” - сказал МакАртни. “Вопрос в том, что нам с этим делать.”

Или, во всяком случае, как вести себя официально в связи с этим.”

Колокольцев кивнул. В последнее время он не часто соглашался с тем, что говорил МакАртни, но на этот раз Натан был прав.

“Малахай?” - сказал он. “Очевидно, мы с вами должны тесно координировать наши действия, но вы наш специалист по информации.”

“Я думаю, что невозможно преувеличить, насколько это ценно с нашей точки зрения,” - ответил Абруцци. “Судя по моим результатам опросов, мы с вами с треском проиграли из-за Гипатии. Может быть, и не в остальной части Флибустьера, но версия Манти о том, что там произошло, набирает обороты, - быстро набирает, честно говоря, - даже внутри пояса Койпера. Все, что мы слышали от соседних систем ядра, говорит о еще большем скептицизме по отношению к нашей версии там, чем здесь, в Солнечной системе. Люди, которые верят версии Манти, все еще составляют меньшинство, но это меньшинство растет, и наблюдается медленное, устойчивое движение к тому, чтобы рассматривать нас в роли злодеев. У меня нет никаких надежных цифр из Периферии, но я предполагаю, что они хуже, чем здесь, в Ядре, и я знаю, что они еще хуже на Окраине. Я не скажу, что существует сколько-нибудь значительное количество мнений, которые активно выступают против нашей политики, но все-таки они есть.

Но что меня больше всего беспокоит, так это то, что мы так и не смогли добиться широкого распространения нашей версии общественного мнения, по крайней мере за пределами Койпера.

Но, даже принимая мантикорскую версию Гипатии, мы говорим об уничтожении только космической инфраструктуры, и нет никаких доказательств, что Гогунув действительно уничтожил какие-то жилые модули до того, как они были эвакуированы. Теперь у нас есть надменные Манти, - эти образцы межзвездного права и хранители межзвездной морали, - убивающие по меньшей мере шесть миллионов невинных гражданских лиц на поверхности планеты, что может быть истолковано только как тактика террора. В отличие от Хайду или Гогунува, никто не угрожал их контролю над системой Мезы, поэтому они даже не могут утверждать, что им нужно было уничтожить критические цели, прежде чем они были вытеснены из системы контратакой, как это могли сделать наши адмиралы. И что это за “критическая цель” - горнолыжный курорт посреди гор или гребаный пляжный курорт?”

Он покачал головой, его глаза заблестели.

“Поверьте мне, моим людям даже не придется фальсифицировать новости. Манти только что потеряли какие-либо остатки притязаний на моральные вершины. С этой точки, в самом худшем случае, в перспективе для нас, каждый раз, когда они начнут кричать о том, как мы “злоупотребляли и плохо обращались” с Протекторатами, все, что нам нужно сделать, это указать на Мезу, и мы выиграем дебаты. И еще это отлично оправдывает все, что мы сделаем с этого момента, - за исключением того, чтобы самим взорвать ядерную бомбу на обитаемой планете, - чтобы остановить их. Возможно, нам придется сделать некоторые вещи, о которых мы будем сожалеть, совершив некоторые действия, которые мы осуждаем, но Манти только что показали, что именно мы пытаемся остановить.”

Он слегка улыбнулся.

“Мне неприятно это говорить, потому что я ненавижу причину, по которой я это говорю, но я думаю, что Малахай прав,” - сказала Водославская. “На самом деле, я думаю, что это может вылиться в нечто большее.”

Остальные посмотрели на нее. МакАртни и Абруцци казались озадаченными, но Квотермейн медленно кивнула, и Колокольцев тоже. Постоянный старший заместитель министра иностранных дел щелкнул пальцами, показывая, что Водославская должна объяснить ее замечание, и она повернулась к двум другим.

“Мы банкроты,” - просто сказала она. “На самом деле конец даже ближе, чем мы с Омосупе думали. У нас есть еще три месяца, самое большее четыре, прежде чем мы официально станем неплатежеспособными.”

В глазах МакАртни мелькнула тревога, и она улыбнулась еще более тонко и холодно, чем Абруцци.

“Не смотри так удивленно, Натан. Мы говорили вам, что это случится, не так ли?”

“Да, но...”

“Мы работали над планами на случай непредвиденных обстоятельств,” - перебила она его. “По-настоящему жизнеспособных вариантов не было, но мы все равно продолжали искать. Проблема, конечно, в Конституции. Нам нужно больше денежных потоков, и потенциальная налоговая база Лиги огромна. Так что деньги есть, мы просто не можем их получить, потому что если бы мы попытались их использовать, то наверняка кто-нибудь в Ассамблее указал бы, что статья первая прямо запрещает любое прямое Федеральное налогообложение. Есть люди, которым все равно, что будет с нами или даже с Лигой в целом. Что бы ни случилось с Лигой, их звездные системы в конце концов останутся нетронутыми, и им ни в коем случае не нужен прецедент, который позволит нам заглянуть в личные копилки их систем. Суть в том, что они прекрасно справляются со всем, что происходит, до тех пор, пока их миски с рисом не опрокидываются в процессе.”

МакАртни кивнул с резким, осуждающим выражением лица, которое Колокольцев, например, нашел горько ироничным. В конце концов, Мандарины и их предшественники веками использовали этот политический факт жизни в своих собственных интересах.

“Очевидно, что мы действовали в рамках Соответствия и Следования Конституции, работая сверхурочно в Правосудии, но на этот раз даже Иллаланги не смог найти нам лазейку. И нет никакого существующего Федерального механизма, который мы могли бы использовать для сбора налогов, даже если бы мы попытались ввести их по указу. Нам понадобятся местные системные власти, которые будут играть роль кассира для нас, и если кто-то из них откажется, и мы попытаемся заставить их, мы, вероятно, создадим еще больше Беовульфов, особенно когда военная ситуация выглядит настолько плохой, что многие из этих системных властей не уверены, что мы те, кто победит в конце концов.

Но я думаю, что Манти все для нас изменили. Если мы сейчас отправимся в Ассамблею и скажем, что самый могущественный военный союз во всей галактике начал политику преднамеренного нарушения Эриданского Эдикта, мы окажемся в чертовски более сильной позиции. Насколько известно членам Ассамблеи, их звездные системы могут быть следующими, и если Манти готовы убить миллионы людей на Мезе, даже если они искренне верят в это безумие о зловещих межзвездных заговорах, кто знает, где они остановятся? Если уж на то пошло, если они действительно верят в это, то они явно не в себе, что делает еще более трудным предсказать, что они предпримут в следующий раз! И какой Флот отвечает за предотвращение нарушений Эриданского Эдикта?”

Она оглядела конференц-зал, и МакАртни откинулся на спинку стула, кивая, его глаза

заблестели так же ярко, как у Абруцци.

“Мы направимся в Ассамблею,” - сказал Колокольцев в тишине, последовавшей за ее объяснением. “Мы скажем им, что это чрезвычайная ситуация, которую Конституция никогда не предусматривала. Мы будем утверждать, что Конституция - это не договор о самоубийстве. Что когда на карту поставлено не только выживание Солнечной Лиги как правительства, но и миллионов, - возможно, даже миллиардов, - граждан Солнечной Лиги, мы должны иметь средства для их защиты. А это значит, что мы должны иметь возможность взимать прямые налоги с этих граждан. А если придется, то мы будем утверждать, что индивидуальное право вето системы просто не может стоять на пути спасения жизней в таких масштабах. Мы выдвинем предложение внести поправки в Конституцию, чтобы разрешить прямое налогообложение, и скажем им, что нам нужно немедленное решение. Что нет времени созывать формальный съезд, чтобы расставить все точки над "i" и подчеркнуть все "t" в процессе внесения поправок, предписанном Конституцией.

Черт побери, все они знают так же хорошо, как и мы, что Основатели намеренно разработали этот процесс, чтобы гарантировать, что любая поправка займет годы, в лучшем случае. Вот почему их было так чертовски мало! Но чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных мер, и нет времени для консультаций с правительствами отдельных систем и проведения их собственных конституционных конвенций. Мы должны действовать сейчас, и если кто-то сомневается в этом, мы просто укажем на Мезу.”

Настала его очередь откинуться на спинку стула, и он медленно обвел взглядом стол для совещаний.

“Черт возьми, я хотел бы, чтобы они не убивали всех этих людей,” - сказал он, и это было правдой. “Но они только что вручили нам ключи от королевства. Я гарантирую Вам, что Ассамблея даст нам подавляющее большинство голосов для принятия поправки. Возможно, нам придется еще немного подготовиться, помассировать еще нескольких делегатов, но они дадут нам после этого все. И мы с Агатой уже очень внимательно изучили текст. Поверьте мне, - он улыбнулся очень, очень тонко, - во всей этой спешке и неразберихе никто, вероятно, не заметит, насколько широко все это можно интерпретировать. Когда все это закончится, нам не понадобятся Протектораты, народ.”

Чез Раймонд

Город Старый Чикаго

Солнечная Система

Солнечная Лига

Косвелл Гвеон последовал за метрдотелем через весь ресторан, мимоходом кивнув двум-трем другим завсегдатаям. Он обедал в "Чез Раймонд" уже несколько стандартных лет, и как новоиспеченный контр-адмирал, он явно был среди восходящих звезд бюрократии Солнечной Лиги. Это означало, что у него никогда не возникало проблем с бронированием, когда бы он ни захотел, а меры безопасности в "Чез Раймонд" были превосходными. Это обрадовало агентов контрразведки Четвертого Отдела контр-адмирала Яу Кван-тунга, поскольку означало, что они могли тратить меньше времени, беспокоясь случайном разглашении конфиденциальной информации там, где могли услышать недружелюбные уши.

Агенты Четвертого Отдела любили все, что облегчало им работу. Возможно, потому, что они не

очень хорошо справлялись с этой работой.

Эта мысль увлекла Гвеона через весь ресторан к кабинке, отгороженной от посторонних глаз, в самом дальнем от двери углу.

“Надеюсь, вас все устроит, адмирал,” - сказал метрдотель. “Мисс Пеллетье уже здесь.”

“Это прекрасно,” - с улыбкой сказал Гвеон. Затем улыбка стала немного озорной. “И не могли бы вы позаботиться о том, чтобы у нас было, скажем, десять или пятнадцать минут до того, как кто-нибудь придет принять наш заказ? Я не видел мисс Пеллетье весь день.”

“О, я думаю, это можно устроить, сэр,” - сказал метрдотель с ответной улыбкой. Это был не первый раз, когда Гвеон и его невеста тратили немного времени, чтобы “наверстать упущенное”, прежде чем сделать заказ.

“Благодарю вас,” - сказал Гвеон, и метрдотель исчез в тускло освещенном уютном ресторане, когда контр-адмирал прошел в приватную часть.

Очень привлекательная рыжеволосая сероглазая женщина, ожидавшая его, подняла голову. Для чьей-то невесты эти серые глаза показывали удивительно мало радости при его появлении, и она довольно резко кивнула головой в сторону стула напротив нее. Одна из его бровей приподнялась при виде выражения ее лица, но он уселся в указанное кресло, не задавая никаких вопросов, и достал из кармана туники небольшое устройство. Он включил его, положил на стол между ними и проверил контрольный сигнал, чтобы убедиться, что он работает правильно, укрепляя внутренние анти-шпионские системы Чез Раймонд. Затем он удовлетворенно кивнул и снова посмотрел на женщину.

“Надеюсь, выражение твоего лица не означает, что я проведу ночь на диване, Эржи.” Его тон был сухим, и легкая улыбка тронула один уголок ее рта, несмотря на сосредоточенное выражение лица.

“Нет, отнюдь,” - сказала она. “Но я не думаю, что кому-то из нас захочется заниматься чем-то более энергичным, чем это. Я только что получила последние инструкции.”

“И?”

Гвеон откинулся на спинку стула. Он предвидел, что произойдет нечто подобное, когда Эржебет позвонила ему и предложила поужинать в Чез Раймонд. Теоретически их квартира была защищена системами защиты Четвертого Отдела. Однако на самом деле эти системы защиты протекали как сито. Хуже того, с их точки зрения, Четвертый Отдел сам контролировал все, что происходило внутри или вокруг него. Поэтому в любое время, когда им двоим нужно было поговорить о своих реальных работодателях или инструкциях от них, им настоятельно требовалось другое место. Он задумчиво посмотрел на нее, потом склонил голову набок.

“С самого утра по офису поползли слухи,” - сказал он. “Но слухи, это все, о чем я знаю. Это наводит меня на мысль, что либо слухи, это все, что есть, либо то, что, черт возьми, вызвало их, настолько критично, что даже я еще не был проинформирован о них.”

“Можешь забыть, что это всего лишь слухи,” - мрачно сказала Эржебет. “Честно говоря, я удивлена, что ты не слышал большего. Должно быть, произошла какая-то задержка с доставкой информации в Старый Чикаго.”

“Почему ты так говоришь?”

“Потому что они должны были узнать об этом еще неделю назад. Альфа Прайм уже слышал об этом и послал нам инструкции, что с этим делать.”

Глаза Гвеона сузились. Ни он, ни Эржебет не знали, где находится “Альфа Прайм”. Если уж на то пошло, ни один из них не знал наверняка, что он действительно существует как конкретное физическое место. Но где бы он ни находился, он также был центральным узлом Согласия, по крайней мере, за пределами системы Мезы.

“Инструкции по поводу чего?” - спросил он немного резко.

“Манти напали на Мезу восемнадцать дней назад,” - решительно сказала она. “Это было ужасно. По меньшей мере несколько миллионов человек погибло в результате серии ядерных взрывов на планете, на орбите планеты и в глубоком космосе. Альфа Прайм прислали нам инструкции о том, как они хотят, чтобы ты реагировал, когда Кингсфорд наконец введет тебя в курс дела.”

“Несколько миллионов человек?” - повторил он, и его прищуренные глаза расширились от шока.

“По крайней мере.” Ее собственные глаза были мрачными. “У Альфы Прайм либо нет точного количества жертв, либо они не видят причин делиться этим с нами. На самом деле, - сказала она немного неохотно, - я вижу в этом некоторую логику. Они не хотят сообщать нам больше деталей, чем должны, потому что тогда никто не заметит, что у нас есть детали, которых у нас не должно быть.”

Гвеон молча кивнул, все еще пытаясь справиться с числом погибших.

“Зачем они это сделали?” - спросил он. “Безусловно правительство системы не отказалось сдать!”

“Я не знаю, почему они это сделали.” Было что-то немного странное в ее тоне, и он задался вопросом, что она знала, - или подозревала, - чем она не делилась с ним. “На самом деле не имеет значения, почему это произошло,” - продолжала она. “Важно то, что Альфа Прайм хочет, чтобы мы, - ты, - сделал с этим, когда тебя вызовут в качестве аналитика. Есть пара моментов, и они хотят быть уверенными в том, что их сурово раскритикуют здесь, особенно в свете того, что ты уже рассказал им о темпах производства ракет Альянса.” Она на мгновение обнажила зубы. “Мне никто этого не говорил, но, читая между строк, я думаю, что кто-то в Альфа Прайм хочет немного отомстить.”

Дворец Маунт Ройал

Город Лэндинг

Двойная Система Мантикоры

Звездная Империя Мантикоры

Полковник Эллен Шимейс, казалось, пребывала в раздумье.

Глава личной охраны императрицы Елизаветы одобряла все, что могло помочь ей сохранить

жизнь Императрице. Это было само собой разумеющимся. С другой стороны...

Хонор Александер-Харрингтон спрятала улыбку, когда они с Антоном Зилвицким и Дэмиеном Харахапом последовали за полковником Шимейс в конференц-зал на минус первом этаже Дворца Маунт Ройал. Несколько стражников, набранных из личной охраны королевы и рассеянных по дворцу, выразили удивление, когда она и ее спутники проходили мимо них, и они заметили, что Нимиц и древесный кот, которого звали Настоящим Убийцей, теперь щеголяли в портупее. Люди вообще склонны забывать, что древесные коты пользовались орудиями труда еще до того, как они встретились с человечеством, хотя их орудия были явно неолитическими. Но помимо простых сетей для переноски, которые они плели "в дикой природе", древесные коты не очень беспокоились о причинах, по которым у людей были карманы, особенно если они приручили человека. В конце концов, у людей есть карманы, а это значит, что мудрое провидение, очевидно, снабдило их всем необходимым.

Именно по этой причине внимание стражников в первую очередь привлекла "кошачья" упряжь. И только после того, как они посмотрели, - потом отвели глаза и снова посмотрели назад, - они поняли, что эти ремни были не только для того, чтобы носить сумки, которые они оба теперь надежно прикрепили к груди между плечами и средними руками. Нет, они также были там, чтобы поддерживать наплечные кобуры, которые теперь носили оба древесных кота.

Это объясняло ... смешанные чувства полковника Шимейс. Ей потребовалось достаточно много времени, чтобы привыкнуть к мысли, что вооруженные люди Хонор имеют доступ к Императрице. Привыкание к мысли о вооруженных древесных котах, особенно тех, кто был связан с бывшим агентом Мезанского Соглашения, займет немного больше времени.

К несчастью для душевного спокойствия полковника, инструкции Императрицы были совершенно ясны.

Хонор последовала за Шимейс к ожидавшему ее креслу за столом переговоров, сопровождаемая двумя оперативниками разведки. Они подождали, пока она усядется и Нимиц заберется на насест, устроенный рядом с ее креслом. Затем они заняли свои места, и спутник Харахапа занял место рядом с ним.

"Прошу прощения, мы немного опоздали" - сказала Хонор, старательно не замечая выражения на лицах людей, которые никогда не слышали о сержанте Тодде или пульсерах размером для древесного кота. "Мы столкнулись с задержкой на посадочной площадке шаттла."

Надзирающий За Огнем, который был известен как Настоящий Убийца несколько дней назад, настороженно огляделся. Мыслесветы вокруг него были необычайно сосредоточенными и мощными. Очевидно, это были двуногие старейшины, и он не был уверен, что ему нравится вкус некоторых мыслесветов, направленных на его персону.

"Конечно, они тебе не нравятся!" - сказал ему Ловец Мыслей с мысленным смешком с насеста рядом с Лукавым Разумом. "Они не доверяют Играющему с Огнем, и действительно, мало причин, почему мыслеслепые двуногие должны доверять ему. Они не могут ощутить вкус его мыслей, как мы."

"Я стараюсь напоминать себе об этом каждый день," - ответил Надзирающий За Огнем. "Но они очень странные, двуногие. Страннее, чем я думал. И это не только потому, что они мыслеслепы, или потому, что они не доверяют Играющему с Огнем. У них так много названий для вещей! Я не понимаю, как они могут содержать их все в порядке. Возможно, это объясняет,

почему их разум работает так не так, как у Народа.”

“Это потому, что они должны использовать шум изо рта для всего”, - сказал Ловец Мыслей. “Они не могут просто ощутить то, о чем говорит другой, и поэтому у них должны быть специальные названия для всего. Например для летающих штук. Они должны найти способ... различать “воздушные автомобили”, “челноки”, “воздушные грузовики” и все остальное множество вещей, которые летают.”

Ловцу Мыслей потребовалось время, чтобы как можно тщательнее сформировать шум изо рта. Сделать это мысленным голосом было нелегко, но и не совсем невозможно. И он был прав, решил Надзирающий За Огнем. Бедные двуногие должны были иметь так много названий для вещей, и Народ просто должен был научиться справляться с этим. И еще он никак не мог понять, почему имя, которым он и его Народ наградили Играющего с Огнем, так забавляло двуногих. Если уж на то пошло, он также толком не понимал, почему имя, которое Играющий с Огнем дал ему, показалось двуногим смешным. Он гордился им! Связь с двуногим была почти - почти - как связь со своей парой на всю жизнь, и поэтому выбор имени для двуногого, которое он мог произнести вслух, имел большой смысл. Вот почему Коты, связавшие себя узами, принимали эти имена точно так же, как они принимали имена других из Народа, дарованные им на разных этапах их жизни.

Но он действительно не понимал, что так забавляло их в его двуногом имени. Смеющийся Ярко сделал все возможное, чтобы объяснить это, но Надзирающий За Огнем не был уверен в своем собственном понимании объяснения другого разведчика. Тот факт, что Смеющийся Ярко потерял мыслеречь и мог общаться только с помощью пальцев, не прибавлял ему уверенности в собственном понимании.

“И пока мы думаем о причинах, по которым двуногие могли бы смотреть несколько косо на Играющего с Огнем, - продолжил Ловец Мыслей с мысленным смехом, - я не думаю, что вы захотите знать, как Хитрый Ум отреагировала, когда она узнала, что и ты и Смеющийся Ярко, оба получили свои собственные пульсеры!”

“Простите, Ваша Милость, это пульсеры?” - осторожно спросил сэр Тайлер Аберкромби.

“Ну да, сэр Тайлер.” Хонор улыбнулась ему. “Так и есть.”

“Но...” - начал министр внутренних дел.

“Сэр Тайлер.”

Голос, прервавший его, принадлежал Елизавете Винтон, и он быстро закрыл рот, повернув голову, чтобы посмотреть на нее.

“Герцогиня Харрингтон держала меня и Дворцовую охрану полностью в курсе этого дела,” - любезно сказала Императрица Мантикоры. “И Нимиц, и Надзирающий За Огнем продемонстрировали свое мастерство в обращении с оружием, и герцогиня совместно с мистером Зилвицким заверили меня, что они также продемонстрировали полное понимание потенциальной опасности этого оружия. И что они продемонстрировали безопасность своих навыков обращения с оружием к удовлетворению командира отряда императорской морской пехоты.” Она пожала плечами. “И, наконец, и полковник Шимейс, и я были полностью проинформированы о том, что и Нимиц, и Надзирающий За Огнем будут вооружены для сегодняшней встречи. На самом деле, очень вероятно, что другие древесные коты приобретут подобное оружие в ближайшем будущем.”

Аберкромби явно сомневался в целесообразности предложения императрицы. Стройная, пятнистая древесная кошка, которая растянулась на спинке его стула вместо насеста, который был предоставлен ей, с другой стороны, не была. Она резко наострила уши и посмотрела на Надзирающего За Огнем. Спутник Харахапа кивнул ей по-человечески, и она удовлетворенно замурлыкала. Было очевидно, что она не разделяет сомнений Аберкромби.

“Честно говоря, сэр Тайлер, я могу понять, почему вы немного обеспокоены таким поворотом событий,” - сказала Хонор. “С другой стороны, я могла бы заметить, что древесные коты всегда вооружены. Это одна из причин, почему они так эффективно выполняют защитную роль, которую они согласились взять на себя для людей, которые могут стать мишенью для убийства.”

Поза Аберкромби стала менее напряженной при этом напоминании, и он потянулся, чтобы почесать уши Лазающей по Скалам.

“Разница в том, что теперь у них есть то, что вы могли бы назвать “дальнобойностью”, - продолжила Хонор, - и вполне разумно для людей беспокоиться о том, насколько хорошо они это понимают и о своей способности внимательно относиться к зоне поражения. Уверю вас, я бы никогда не согласилась дать Нимицу пульсер, если бы не была полностью убеждена в обоих этих пунктах. И я также признаю, что потребовалось некоторое время, чтобы все решить к моему удовлетворению. Но не забывайте, что Саманта - певица памяти. Как только Нимиц смог донести до нее основные понятия, - и как только я достаточно поработала с ней, чтобы убедиться, что они действительно у нее есть, - она передала их Надзирающему За Огнем в единственной песне памяти. И она может сделать то же самое для любого другого кота.” Она пожала плечами. “Так что это всего лишь вопрос того, можем ли мы доверять древесным котам, не прибегающим к смертельной силе в обстоятельствах, когда она не оправдана, и после трех или четырех сотен стандартных лет, я думаю, они довольно убедительно продемонстрировали, что мы можем.”

Она снова пожала плечами, и за столом воцарилась тишина. Несколько неуверенных выражений лиц сменились задумчивостью, и через секунду-другую Аберкромби кивнул.

“Верно подмечено, Ваша Милость,” - признал он. “По крайней мере кое-что. Я думаю, что к этому понятию придется немного привыкнуть, но это определенно обоснованный пункт.”

Кто-то хихикнул, и Елизавета улыбнулась. Но тут императрица покачала головой.

“Я уверена, что так и будет,” - сказала она. “С другой стороны, есть и другие вещи, к которым тоже нужно привыкнуть. Например таким, как ситуация в Мезе.”

Любое искушение пошутить внезапно исчезло, и ноздри Елизаветы раздулись. Затем она кивнула Пат Гивенс.

“Адмирал, почему бы вам не начать?”

“Конечно, Ваше Величество.” Гивенс, похоже, не была в восторге от этого приказа, но она знала, что он последует. Единственным человеком, которому она могла бы его переадресовать, был Хэмиш Александер-Харрингтон, а он был в Беовульфе на конференции. Поэтому она расправила плечи и указала на высокого, рыжеволосого и зеленоглазого мужчину, сидевшего рядом с ней.

“Для тех из вас, кто не знает, - а это касается большинства из вас, - это Чарльз О'Дейли. Официально он работает на сэра Энтони.” Она склонила голову к сэру Энтони Лэнгтри,

министру иностранных дел Звездной Империи. "На самом деле он из Специальной Разведки и замещает директора СРС, пока сэр Бартон не вернется из Нового Парижа."

Головы закивали. Сэр Бартон Сальгадо был директором Специальной Разведки, гражданским коллегой Гивенс. В данный момент он находился либо в Новом Париже, куда отправился для переговоров с Кевином Ушером и Вильгельмом Траяном, либо на пути домой. Если бы у него был хоть какой-то намек на то, что придет из системы Мезы, он бы отложил эту поездку, мрачно подумала Хонор.

"Мы с Чарли сравнивали записи, - продолжала Гивенс, - и, боюсь, ни один из нас не пришел к блестящему выводу. Во всяком случае, не о том, что на самом деле происходит в Мезе." Выражение ее лица было мрачным. "Мы очень внимательно изучили последующие депеши графини Золотой Пик, и, предполагая, что они столь же точны, как и ее отчеты в прошлом, мы смотрим на довольно близкую к абсолютной катастрофу."

"Возможно, "абсолютной" - слишком сильное прилагательное," - сказала Хонор. Гивенс посмотрела на нее, удивленно подняв брови, и Хонор пожала плечами. "Мы можем вернуться к этому через минуту, Пат. Прошу прощения, что перебиваю."

"Не стоит извиняться, Ваша Милость. И я была бы абсолютно рада обнаружить, что действительно может быть что-то смягчающее в том, что там произошло. Тем временем, однако, аналитики Чарли и мои в целом согласны, что это представляет собой подарок на золотом блюде Мандаринам. У нас не было времени услышать, как они на самом деле собираются это раскрутить, но правда в том, что в этом случае им не потребуется много раскрутки. Наши корабли находились на орбите планеты, и там были десятки ядерных взрывов. По крайней мере, мы позволили кому-то пройти мимо нас, чтобы спровоцировать их. В худшем случае, - а именно к такому выводу склонна большая часть галактики, - мы были либо ответственны за них, либо, по крайней мере, соучастниками."

Второй Космос-Лорд покачала головой. "После Гипатии нас считали лидерами, которые предотвратили нарушение Эриданского Эдикта, по крайней мере, теми, кто был непредубежден. Теперь, однако, у тех же самых непредубежденных людей действительно не будет никакого выбора, кроме как задаться вопросом, говорили ли мы тогда правду или нет, учитывая то, что мы, по-видимому, сделали в Мезе. Честно говоря, если бы мы были на их месте, то задались бы тем же вопросом."

Головы снова закивали, и на этот раз эти кивки были такими же мрачными, как и выражение лица Гивенс.

"Все наши аналитики сходятся во мнении, что Мандарины воспользуются этим, чтобы продолжить свое повествование о Мантикоре и Хевене как империалистических преемниках Народной Республики. Они будут доказывать, что даже если мы не красноклювые конкистадоры, мы явно не в себе. Тот факт, что мы обнаружили "Мезанское Соглашение", которое не имеет абсолютно ничего общего с межзвездным заговором, о котором мы говорили, только подчеркнет это. Нас собираются изобразить как людей, которые взорвали атомную бомбу в звездной системе и убили свыше семи миллионов человек, согласно текущим цифрам графини Золотой Пик, в качестве мести воображаемому врагу, которого мы изобрели в наших собственных параноидальных фантазиях. И это самое благоприятное толкование, которое они собираются этому дать."

"Значит, вы считаете, что версия Мандаринов даст им моральную поддержку?" Голубые глаза Брюса Виженберга были встревожены.

“Я не могу ответить на этот вопрос, мистер Виженберг,” - сказала Гивенс.

“Я бы сказал, что это вряд ли даст им высокое место за пределами Ядра, сэр.” О'Дейли, как заметила Хонор, обладал столь же раздражающим протяжным произношением, как и Майкл Оверстейген, к счастью, судя по вкусу его мыслесвета, он обладал не менее острым умом. Теперь Виженберг посмотрел на него и поморщился.

“Они говорят, что дьявол кроется в темноте, - продолжал он, - и что касается Лиги, то это, безусловно, верно за пределами Ядра. Очень немногие жители Окраины готовы поверить хоть единому слову, исходящему из Старого Чикаго, если только это не те жители Окраины, чей хлеб намазан маслом от УПБ. Честно говоря, даже они не верят тому, что говорят Мандарины, но это не мешает им соглашаться с этим по очевидным причинам.

Остальная часть Окраины и большая часть Приграничья не поверит Старому Чикаго на слово даже в то, что вода мокрая. В то же время, общественное мнение считает, что слово Мантикоры почти повсеместно имеет хорошую репутацию... опять же, вне Ядра. Это то, что мы почти наверняка потеряли здесь, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Это не значит, что все за пределами Ядра вдруг поверят Мандаринам на слово, а не нам. Это означает, что там, где речь идет о нас, будет чертовски больше скептицизма и подозрительности.”

“А внутри Ядра?” Баронесса Морнкрик спросила мягким голосом.

“А внутри Ядра Мандарины используют это, чтобы забить нас, - и Беовульф, - до смерти,” - резко сказала Елизавета, прежде чем О'Дейли или Гивенс успели ответить. “Они будут показывать на нас пальцем и кричать, что мы действительно варвары, что мы с самого начала лгали о причинах войны, и что с нео-варварами у ворот настало время для отчаянных мер.”

“Боюсь, что Ее Величество права,” - сказала Гивенс, снова привлекая к себе внимание всех присутствующих. “Все наши анализы показывают, что наша основная стратегия работает. Мы почти полностью разрушили потоки доходов федерального правительства, Мандарины постоянно теряли доверие, системы за пределами Лиги постоянно склонялись в нашу сторону, особенно после того, как солли обнародовали “операцию Флибустьер”, и все больше и больше систем-членов Лиги выглядели так, будто они будут двигаться в том же направлении, что и Гипатия. Все это было направлено непосредственно к стратегической цели, сформулированной герцогиней Харрингтон в самом начале, внутренний раскол Солнечной Лиги без активных военных действий против Центральных миров с нашей стороны.

Теперь, когда слух об этом распространится, очень многое из этого импульса будет обращено вспять. Люди, которые склонялись в нашу сторону, скорее всего, начнут склоняться в другую сторону. Хуже того, это даст Центральным мирам объединяющий фокус, которого у них действительно не было раньше. Это означает, что он будет стремиться противодействовать центробежной силе, которая заставила Лигу начать сбрасывать системы членов-участников. И если Лига сохранит свою территориальную целостность, даже если мы вынудим ее принять условия, которые навяжем военными действиями, шансы таковы, что мы будем смотреть на перевооруженного, переоборудованного и гораздо более опасного врага, желающего реванша, в течение следующих нескольких десятилетий.”

“Возможно, в долгосрочной перспективе это и правда, Пат,” - сказала Хонор. “Но хотя я всегда знала об опасности Соларианского реваншизма, я также говорила, что могла бы жить с этим, если бы это была только долгосрочная проблема. Мне бы этого не хотелось, но жизнь несовершенна, и всегда будет какая-то степень “достаточности на сегодня”, что бы мы ни

делали. В данный момент меня больше беспокоят краткосрочные последствия.”

“Какие именно, Хонор?” - спросила баронесса Морнкрик. Темные глаза канцлера Казначейства сузились, и Хонор одарила ее одной из своих кривых усмешек.

“Те самые, о которых, я уверена, вы беспокоитесь,” - сказала она. “Как только что сказала Пат, в настоящий момент Мандарины находятся на грани финансового краха. Операция Лаокоон и вывод нашего торгового флота только сейчас начинает по-настоящему кусать соларианскую экономику в целом, но она уничтожила поток доходов федеральной бюрократии. В сочетании с тем, что происходит в Протекторатах, особенно с тех пор, как мы начали активно искать планеты, где операция Янус, - она кивнула в сторону Дэмьена Харахапа, - инициировала местные восстания, они не могли поддерживать военные усилия без какого-либо альтернативного источника финансирования. Теперь...”

Она пожала плечами, и Морнкрик кивнула.

“Вы правы, именно об этом я и беспокоилась,” - призналась она, затем посмотрела на остальных за столом. “Единственный пункт, по которому системы членов Лиги всегда были едины в своем сопротивлении федеральной власти, начиная с того дня, когда была подписана их Конституция, - это конституционный запрет прямого налогообложения. До сих пор это было правдой даже в этой проклятой войне, по многим причинам, включая тот факт, что ни один из этих Центральных миров ни на секунду не поверил, что мы представляем реальную угрозу для них и их граждан. Мы получили подтверждение этого из нескольких источников внутри Ассамблеи.

В то же время мы всегда знали, что валовой продукт Лиги буквально не поддается исчислению. Во всех смыслах и целях у него нет дна. При нынешнем положении дел, - или, во всяком случае, до сих пор, - Мандарины вынуждены были работать в кредит, и к этому моменту выпуски их облигаций фактически обесценились, несмотря на процентные ставки, по которым они предлагались. Так что Ее Милость права, - при обстоятельствах, предшествовавших “Мезанскому зверству”, положение Мандаринов и военные усилия были неустойчивы. И так оно и оставалось, потому что в отсутствие какой-либо экзистенциальной угрозы самой Лиге, - или гражданам их собственных систем, - системы-участники не собирались ослаблять строгость Конституции.

Но я очень боюсь, что то, что произошло в Мезе, и то, как об этом сообщают, даже, - или, может быть, особенно, - действительно ответственные журналисты, такие как Одри О'Ханрахан, будет восприниматься именно как угроза существованию. Может быть, не для самой Лиги, но если мы настолько безумны, что убиваем миллионы людей в одной звездной системе в погоне за несуществующим межзвездным заговором, одному Богу известно, сколько миллионов людей мы убьем в других звездных системах по столь же безумным причинам. При таких обстоятельствах, я думаю, возможно, - даже вероятно, - они найдут способ использовать эти другие источники дохода. И если они это сделают, время больше не будет на нашей стороне. Если у них есть финансирование, чтобы оставаться платежеспособными, все, что им нужно сделать, это подождать.

Если они не рухнут под собственной тяжестью, и если мы не пойдем войной на них, когда они этого не сделают, в конечном счете их научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработчики придумают оружие, которое будет соответствовать нашему собственному, и у них будет финансирование, чтобы запустить это оружие в производство в количестве, которое не может сравниться даже с Великим Альянсом.”

Она откинулась на спинку кресла, и холодная, неподвижная тишина окутала конференц-зал.

“Мне неприятно это говорить, но с точки зрения Согласия, - настоящего Согласия, а не того, которое мы нашли на Мезе, - это был мастерский ход.” Тяжелый голос Лэнгтри наконец нарушил тишину. “Я даже не хочу думать о таком менталитете, который может убить так много людей в качестве дипломатической уловки, но это было чертовски эффективно. И если мы даже не можем указать на Согласие, которое имеет некоторое сходство с тем, о котором мы говорили галактике, я не вижу никакого способа выбраться из этой дыры.”

“Это одна из причин, по которой я привела мистера Зилвицкого и мистера Харахапа сегодня днем, Тони,” - сказала Хонор. Министр иностранных дел посмотрел на нее, приподняв одну бровь, и она невесело улыбнулась. “Я не думаю, - они не думают, - что случившееся было просто дипломатической уловкой. Мистер Зилвицкий провел очень интересный анализ данных, собранных им во время пребывания на Мезе. С тех пор как мистер Харахап... примкнул к людям в белом, скажем так, он и мистер Зилвицкий работали вместе над этим анализом и объединили его с некоторыми наблюдениями мистера Харахапа изнутри луковицы, так сказать. Они пришли к некоторым предварительным выводам, которыми, я думаю, мы должны поделиться со всеми вами, и если они хотя бы отдаленно находятся на правильном пути, я думаю, что мы должны доставить их обоим, - и Надзирающего За Огнем, конечно, - в Мезу как можно быстрее.

Люди, за которыми мы охотимся, проделали гораздо большую работу по исчезновению в кроличьей норе, чем, как я думаю, любой из нас мог бы поверить, но Нимиц научил меня кое-чему давным-давно.”

“И это...?” - спросила Елизавета, когда Хонор сделала паузу.

“Не имеет значения, насколько быстр и неуловим кролик, если по его следу идет правильный охотник,” - холодно сказала Хонор Александер-Харрингтон. “Так что, я думаю, нам пора послать за этим кроликом собственного охотника.”

Башня Хиллари Индракаши Энкатешвара

Город Старый Чикаго

Солнечная Система

Солнечная Лига

“Это очень интересно,” - пробормотала Нацуко Окику, когда видеоклип закончился. Несколько секунд она хмуро смотрела на застывший дисплей, барабанив пальцами по краю стола и размышляя об этом. Затем она посмотрела на Брайса Тарковского, сидевшего напротив нее. “Это ничего не доказывает, - заметила она, - но это интересно.”

“При всем уважении, Нацуко, ты чертовски права, это ничего не доказывает,” - сказала Лупе Блантон. Она села на другой угол стола Окику, где только что смотрела видео вместе с полковником Жандармерии. “Все, что у нас есть, - это встреча старшего офицера флота со своей невестой в общественном ресторане.” Она поморщилась. “Вряд ли кто-то станет обращаться к прокурору с подобным.”

“Нет,” - признал майор Тарковский. “Но из того, что Дауд и Ирен узнали об анализе, который Гвеон передал Кингсфорду, я бы сказал, что есть очень большая вероятность, что он работает

на Плохих парней. И именно это исходит из того факта, что мисс Пеллетье "спонтанно" пригласила его на ужин сразу после того, как покинула офис своего финансового консультанта. Тем более что ее консультант работает на "Нуньес, Польдак, Болтон и Хуан."

"У которых, насколько я знаю, около трех бездналионов и еще двенадцать клиентов," - сардонически заметила Блантон. "Именно поэтому так чертовски трудно найти подходящих подозреваемых, даже после того, как мы выяснили, что Болтон замазана."

"Безусловно. Но мы же договорились, что Болтон замазана, не так ли?"

"Я бы сказал, что мы решили, что есть по крайней мере девяносто девять и девять десятых процента вероятности."

"Окей. Тогда вот что мне действительно интересно. Болтон не отвечает за счета Пеллетье. На самом деле, она никогда не проводила для нее ни одной сделки. Но, судя по очень осторожному взгляду, которым мы следим за мисс Болтон, - и за Изгоями, которые всегда рядом, - двое из них случайно сидели за одним столом в уличном кафе, около которого был припаркован аэрокар «Нуньес, Польдак, Болтон и Хуан» в обеденное время не менее восьми раз. И насколько удалось установить нашим наблюдателям, они никогда не заводили ни одного разговора, кроме как "Хорошая погода, не так ли?"

Морпех пожал плечами.

"У нас теперь есть много записей Болтон в непринужденной обстановке, - продолжал он, - и она очень, очень хорошо умеет завязывать разговоры, которые ведут к потенциальным отношениям с клиентами. Пеллетье, с другой стороны, очевидно, хорошо обеспечена, и она умна и общительна. Я нахожу немного странным, что эти два умных, общительных человека, ни один из которых не имеет действующих профессиональных отношений, "просто случайно" столкнулись друг с другом не менее восьми раз, - насколько нам известно, - и никогда не имели какого-либо продолжительного разговора. Не знаю, как вы, но это кажется мне статистически невероятным, скажем так.

И вот теперь, после того как Пеллетье позвонила ее консультант и попросила ее лично приехать в офис, и после обеда номер девять, за которым Болтон "случайно" села за ее столик, она делает звонок в такси, как только покидает кафе, и приглашает своего жениха на незапланированный ужин в ресторане, где, как мы уже определили, они с Гвеоном регулярно обновляют существующие системы безопасности по крайней мере в семидесяти процентах - но только в семидесяти, а не в ста, - из тех случаев, когда они там обедают."

Он посмотрел на Блантон, приподняв бровь.

"Ты не находишь ничего из этого интересным?"

"Хм." Блантон задумчиво нахмурилась. "Хорошо," - сказала она. "Я все еще не думаю, что это что-то доказывает, но это определенно наводит на размышления."

"Я нахожу это еще более наводящим на размышления в свете... недавних событий," - вставила Окику, выражение ее лица стало еще более мрачным, и Блантон глубоко вздохнула.

"Определенно, в этом ты можешь быть права, Нацуко," - согласилась она. "Конечно, если это так, то остается только гадать, о чем не говорили Пеллетье и Болтон."

"Я думаю, что это была передача сообщения, - что все эти встречи за обедом были именно

такими," - сказал Тарковский категорично. "Нетрудно передать зашифрованный чип так, чтобы никто этого не заметил. И, как ты говоришь, Лупе, я должен задаться вопросом, что было на этом."

"Ничего хорошего," - еще более мрачно ответила Окику, и Блантон кивнула.

Если только Охотники за привидениями не ошиблись в своих предположениях, все должно было стать очень плохо и очень быстро. Удары были сильными и быстрыми, хотя соларианская общественность еще не знала о них всех.

Соларианская женщина-с-улицы знала теперь о Декларации независимости Автономного Регионального Сектора Майя, и она слышала утверждения Оравиля Баррегоса о провокаторах, притворяющихся Мантикорцами. Тем не менее, жюри общественного мнения внутри Пояса Койпера все еще оставалось в стороне от этого вопроса. Были те, кто верил, что это подтверждает утверждения Манти о таинственном "Мезанском Соглашении". К несчастью для Большого Альянса, эти люди представляли собой явное меньшинство, насколько могли определить Охотники за привидениями. Гораздо большая часть общественного мнения была более циничной, рассматривая обвинения Баррегоса как расплату Манти, которые, очевидно, согласились поддержать его против Лиги в его кампании по превращению себя в диктатора Сектора Майя. Очевидно, его публичная поддержка их нелепых обвинений была ценой, которую он заплатил за их военную поддержку.

И третье мнение состояло в том, что Баррегос может быть абсолютно искренним, но что Манти обманули его, чтобы использовать его как свою дурацкую говорящую голову, чтобы скрыть правду. Существовало бесчисленное множество вариантов между этими крайностями, но эти три суммировали более серьезных соперников.

Что показалось Блантон зловещим, так это то, что Мандарины до сих пор не заняли официальной позиции, которая была бы верной. Это наводило на мысль о том, что, пока они формулировали свою окончательную позицию, в игре было что-то еще, и если в потоке слухов, которые просочились к Дауду Аль-Фанудахи и Ирен Тигу, была хоть капля правды, она очень боялась, что знает, что это было за "что-то еще".

"Ты действительно думаешь, что это могли быть Манти?" - спросила она, глядя на двух других. "В Мезе, я имею в виду. Если слухи верны."

"Нет." Ответ Тарковского был мгновенным и безоговорочным. Обе женщины вопросительно посмотрели на него, и он пожал плечами. "Во-первых, если бы Манти хотели уничтожить цели на поверхности Мезы, они бы никогда не использовали ядерное оружие. Они бы использовали кинетический удар. Я не могу поверить, что там была цель, - особенно на "необитаемом острове", - которая нуждалась в боеголовках мегатонной мощности, и если слухи Дауда верны, это именно то, что кто-то использовал. Манти могли бы сделать то же самое, если бы была какая-то причина, по которой они этого хотели, с помощью кинетического удара, который был бы намного меньше, намного чище и намного менее вероятно был бы истолкован как нарушение Эриданского Эдикта."

"А если они специально использовали ядерное оружие, чтобы доказать это?" Вопрос Блантон прозвучал вызывающе, но не ее тон.

"Лупе, это Манти. Мне плевать, - простите за выражение, - на то, как их рисует Общественная информация, они Манти. Они только недавно имели дело с катастрофическими повреждениями и миллионами смертей в их собственной звездной системе в результате того,

что явно было нарушением Эриданского Эдикта. Сотни их космонавтов только что погибли, мешая нам совершить один из них в Гипатии. И они сделали это главным образом потому, что такого рода вещи были бы полной и абсолютной моральной анафемой для Звездной Империи. Опять же, мне наплевать, что Абруцци скажет о них. Я лично знаю по меньшей мере дюжину Манти, и каждый из нас уже несколько месяцев изучает под микроскопом все, что они или Большой Альянс в целом когда-либо делали, пытаюсь понять, что же, черт возьми, происходит. Мы знаем, что они бы этого не сделали. И даже если бы они не отказались сделать это по моральным соображениям, они не настолько глупы.

Во-первых, они пришли в систему как освободители. Именно так их должны были видеть по меньшей мере семьдесят пять процентов населения. Теперь они, - или некто, - убили миллионы людей, многие из которых должны были быть теми же самыми освобожденными сессии и рабами, которые были так счастливы видеть их. Вы думаете, что Золотой Пик и ее командующие наземными силами недостаточно умны, чтобы понять, что это вызовет по меньшей мере пассивное, а скорее активное сопротивление со стороны тех самых людей, которые должны их поддерживать?

Во-вторых, это как раз происходит внутри системы Мезы. За пределами Мезы, вероятно, будет еще хуже! Когда все это началось, у них был высокий моральный облик, - во всяком случае, за пределами Койпера, - и он только удвоился после того, как Гипатия и Флибустьер стали достоянием общественности. Вы готовы предположить, что Елизавет Винтон и Элоиза Причарт, которые должны быть двумя самыми умными главами государств во всей галактике, внезапно стали настолько глупы, что готовы отбросить все это? Для чего? Какая возможная тактическая цель в звездной системе, которую они уже завоевали, могла вдохновить их на что-то такое... такое неразумное?"

"Но у Золотой Пик есть репутация," - заметила Окику.

"И у Харрингтон тоже!" - выпалил в ответ Тарковский. "И я думаю, что мы в значительной степени согласны с тем, что девяносто процентов историй о ее вспыльчивости и мстительности, дерьмо, не так ли? Значит, есть какая-то причина, по которой мы не должны думать то же самое о том, что говорят о графине Золотого Пика ее враги? И кем бы она ни была, она двоюродная сестра императрицы Елизаветы и третья в очереди наследования. Мне все равно, насколько она сумасшедшая, но кто-нибудь из ее сотрудников указал бы ей на то, что вы могли бы назвать "политическим недостатком" клеймения ее династии, - и ее лично - за нарушение Эриданского Эдикта. Так что, принимая все это во внимание, это не просто случай "нет, она этого не делала", это случай "черт возьми, нет, она, черт возьми, этого не делала!"

Блантон была вынуждена кивнуть. К сожалению, она сомневалась, что соларианское общественное мнение увидит все так же ясно, как Брайс Тарковский. Или как она. Она все еще пыталась напомнить себе, что они не доказали, что Плохие Парни на самом деле не были Большим Альянсом, потому что это была ее работа. Но в глубине души она знала правду. Или что-то похожее на правду.

"Если это была не она, то кто же?" - спросила она вслух. "Я знаю, что Дауд и Ирен тверды в убеждении, что это действительно Согласие, и иногда я с ними соглашаюсь. Но если это действительно было Мезанское Согласие, то почему, во имя всего святого, они убили столько миллионов своих людей?"

"Не знаю, - признался Тарковский. "На самом деле у меня нет ни малейшего представления." Он был одним из Охотников за привидениями, которые давно признали существование Согласия, и выражение его лица было разочарованным. "Впрочем, я знаю одну вещь. Это

прекрасно впишется в игру Мандаринов, и я не думаю, что Плохие Парни, - кто бы они ни были, - могли быть... в стороне от этого. Это должно быть огромной частью того, почему они это сделали."

"Согласна," - сказала Окику. Она придерживалась твердого мнения о том, существует или не существует Мезанское Соглашение, но в данный момент выглядела как агностик, склоняющийся к откровенному атеизму. "Хотя на самом деле, - продолжила она, подтверждая это впечатление, - я думаю, что вопрос Лупе чертовски обоснован, Брайс. Это огромное количество людей, если предположить, что подсчеты жертв, о которых слышат Дауд и Ирен, недалеко от точности. Если это "Соглашение" действует из Мезы, то эти взрывы должны были просто убить группы людей, которые были друзьями или членами семьи людей, вовлеченных в это. Я нахожу ужасно трудным поверить, что кто-то, кто действовал тайно так успешно так долго, как утверждают Манти, или даже достаточно долго, чтобы управлять всем, что мы нашли прямо здесь, на Старой Земле, мог не видеть опасности, которая грозит их сохранности.

Если ты только что убил мою бабушку или дюжину моих двоюродных братьев, моя преданность, скорее всего, станет немного напряженной."

"Тут, конечно, есть что сказать," - согласился Тарковский. "Но пока мы не узнаем больше о том, кто на самом деле был убит, мы будем блуждать в темноте в этом отношении. Заметьте, я не могу себе представить, как они могли убить столько людей, не убив своих друзей и членов семьи. С другой стороны, я не претендую на то, что у меня есть точная карта того, что на самом деле нужно Плохим Парням или что они готовы заплатить, чтобы попасть туда."

"Я это вижу, но Нацуко действительно права," - сказала Блэнтон. "И если Плохие Парни не являются "Мезанским Соглашением", то они не будут беспокоиться о сопутствующем ущербе, пробивающем дыры в их собственной безопасности."

Тарковский кивнул, его разочарование было более очевидным, чем когда-либо.

"Согласен. Но суть в том, что, насколько это касается Манти и Мандаринов, не имеет значения, кто такие Плохие Парни. Важно то, что Манти будут обвинены в этом, и это заставляет меня очень, очень нервничать из-за этой встречи между Пеллетье и Болтон. Если официальное курьерское судно из Мезы задержалось на пять дней, прежде чем ему разрешили уйти, но кто-то другой ушел в тот же день, - а вы знаете, что кто-то другой должен был выйти, - это пять дней, в течение которых боссы Болтон могли бы послать ей новые инструкции. И я думаю, что мы в значительной степени согласны с тем, что независимо от того, кто такие Плохие Парни, это те, на кого она работает. Таким образом, у них, возможно, были эти "новые инструкции" на выходе и ждали, чтобы улететь, как только они услышали об этом.

Если уж на то пошло, Болтон могла держать их у себя неделями или месяцами, ожидая, пока известие о том, что произошло на Мезе, не достигнет Старой Земли. Так что, если она встретилась с Пеллетье, чтобы передать эти инструкции, это означает, что Кингсфорд скоро услышит что-то от Гвеона, и я почему-то сомневаюсь, что то, что он услышит, улучшит ситуацию."

Башня Джорджа Бентона

Город Старый Чикаго

Солнечная Система

"Благодарю вас, Адмирал Гвеон," - сказал Иннокентий Колокольцев. "Я уверен, что говорю от имени всех нас, когда говорю, что мы ценим ясность вашего доклада." Улыбка мелькнула на его лице. "И я также уверен, что вы понимаете, почему мы не были рады услышать это."

"Да, поверьте мне, господин постоянный заместитель министра," - серьезно ответил Касвелл Гвеон. "И мне жаль, что я не могу представить более оптимистичную картину."

"На данном этапе точность гораздо важнее оптимизма." Колокольцев снова улыбнулся, холодно, безрадостно. "У нас его было достаточно, пока вы не появились. Поверьте мне, то, что мы получили сейчас, гораздо лучше."

Гвеон склонил голову, принимая комплимент. Затем Колокольцев глубоко вздохнул.

"Полагаю, на сегодня все, Адмирал. Однако, пожалуйста, будьте готовы к дополнительной консультации. Не думаю, что сегодня у меня возникнут еще какие-то вопросы, но я могу ошибаться."

"Конечно, господин постоянный заместитель министра," - пробормотал аналитик. Он собрал свой мини-компьютер и чипы для записей, встал, поклонился остальным, находящимся в комнате для совещаний, и удалился.

Когда дверь за ним закрылась, воцарилась тишина. Затем Натан МакАртни прочистил горло.

"Могу я предположить, Адмирал Кингсфорд, что вы согласны с выводами Адмирала Гвеона?"

"Анализ адмирала Гвеона - это мой анализ, сэр," - холодно ответил Кингсфорд.

"Я хотел спросить, - сказал МакАртни, явно пытаясь контролировать свой тон, - согласны ли вы с выводами его анализа."

"Я думаю, что его выводы вполне обоснованны," - сказал Кингсфорд, тщательно подбирая слова. "Если предположить, что наши разведывательные источники с Беовульфа точны, - а я, возможно, должен отметить, что Адмирал Гвеон был вовлечен в управление этими источниками в течение довольно долгого времени, что ставит его в лучшее положение, чтобы оценить их надежность, - то, насколько я могу судить, его логика неопровержима, и я полностью ее поддерживаю. Однако, если вы спрашиваете меня, что, по-моему, мы должны делать с этими последствиями, боюсь, что на этот вопрос я не могу ответить." Он обвел взглядом стол для совещаний, мужчин и женщин, сидевших вокруг него. "Как я уже говорил с самого начала, любое прямое действие против Беовульфа неизбежно будет иметь политические последствия, которые я не в состоянии оценить."

Даже военные последствия невозможно предсказать с какой-либо степенью уверенности, учитывая тот факт, что практически вся наша разведка исходит из человеческих источников. Боюсь, что у нас нет точных сенсорных данных, подтверждающих это. Это не значит, что она сведения не точны, это просто означает, что я не могу проверить их из какого-либо другого источника. И это, конечно, означает, что они могут быть неточными."

Ноздри МакАртни раздулись. Он не использовал таких слов, как "увертка" или "прикрытие задницы", но было ясно, о чем он думает, и лицо Кингсфорда напряглось.

"Поверьте мне, Адмирал Кингсфорд, - твердо вмешался Колокольцев, бросив предупреждающий взгляд в сторону МакАртни, - все мы понимаем ограниченность имеющейся у вас информации. Но вы наш старший офицер в форме. Основываясь на том, что сказал

адмирал Гвеон, будет ли Фабиус жизнеспособной операцией?"

Кингсфорд откинулся на спинку стула, сложив руки на столе перед собой, и еще более тщательно обдумал свои следующие слова. Колокольцев, МакАртни и Агата Водославская теперь были полностью проинформированы о Хасте и ее возможностях. Абруцци и Омосупе Квотермейн имели лишь более общее представление о новой системе, но они также понимали ее необычайную широту и скрытность.

Это ограничивало его способность тянуть время, предполагая, что именно это он и решил сделать, а это всегда было опасно. Гражданское понимание военных возможностей неизменно, казалось, приходило только в двух вариантах. Либо они совершенно неверно понимали рассматриваемую способность, либо думали, что понимают ее, и полагали, как правило, ошибочно, что способны оценить ее эффективность. И гораздо чаще они переоценивали эту эффективность, чем проявляли хоть каплю благоразумия и недооценивали ее.

Он почти не сомневался, что МакАртни попал в этот круг. Он был менее уверен в Абруцци, и он не мог рискнуть предположить, в куда качнется Квотермейн.

Это не имеет значения, сказал он себе. Строго говоря, они, гражданское правительство, а ты, офицер флота. Все, что ты можешь сделать, это дать им свои самые лучшие оценки и советы, а затем выйти и попытаться удержать их решения от выстрела в ногу всем нам. Или в какое-нибудь более роковое место.

"Предполагая, что источники Адмирала Гвеона верны, - начал он, - эта новая разработка обороны системы, "Майкрофт", появится в Беовульфе где-то в ближайшие восемь-двенадцать стандартных недель, что серьезно ограничивает временной интервал, в течение которого мы можем действовать. Мы можем ожидать, что потери при любом глубоком проникновении в систему будут катастрофическими даже без новых станций управления, с ними любая атака будет самоубийственной. Так что даже с Хастой мне придется недвусмысленно не рекомендовать Фабиус после того, как "Майкрофт" начнет действовать. Каковы бы ни были потенциальные выгоды от такой операции, наши потери будут катастрофическими. Из-за этого я могу поддерживать Фабиус только в интервале до того, как "Майкрофт" начнет действовать.

В этих временных рамках, - до "Майкрофта", - возможно, даже вероятно, что Хаста позволит нанести успешный удар по объектам производства ракет Беовульфа. Невозможно реально оценить способность Большого Альянса обнаруживать Хасту после запуска. Лучшее, что мы можем сделать, - это использовать нашу способность обнаруживать его как метровую рапкету, и, если предположить, что способность Большого Альянса не больше нашей, вероятность того, что они увидят входящую Хасту вовремя, чтобы предпринять эффективные контрдействия, невелика. Я не готов количественно оценить, насколько мала, потому что никто этого не может. Но, учитывая способность обнаружения, примерно равную нашей собственной, Я должен был бы оценить шанс Хасты пройти как отличный.

Минусы заключаются в том, что мы все еще можем понести серьезные потери, хотя мы работали над подходом, который мог бы минимизировать их, и крайнюю дальность, которая была бы необходима для запуска. На таком расстоянии атака будет полностью зависеть от внутренних систем наведения и программного обеспечения Хасты. Эти системы и программное обеспечение намного лучше, чем все, что у нас когда-либо было, и мы потратили месяцы на их тестирование, как на симуляторах, так и в боевых учениях, но они никогда не использовались в бою. Это означает, что все наши прогнозы относительно их эффективности теоретические. Более того, в тактическом цикле больше не будет человеческого элемента, не будет точки, в которой человек мог бы решить, что атака должна быть прервана, и это значительно повышает

вероятность поражения непреднамеренных целей. Я бы солгал, если бы сказал, что кто-нибудь в Космическом флоте был бы доволен потенциальной катастрофой, которая может произойти.

И, кроме того, я должен отметить, что оценка того, когда "Майкрофт" появится реально, основана на... скудной информации. Это лучшая информация, которой мы располагаем, и, учитывая послужной список Адмирала Гвеона, я убежден, что она абсолютно точна. Но она ни в коем случае не является полной. Он мог содержать в себе всевозможные неприятные сюрпризы. В частности, я настоятельно призываю никого не забывать, что восемь-двенадцать стандартных недель по оценке адмирала Гвеона, это только оценка. Я полагаю, что было бы гораздо разумнее предположить, что наше окно не превышает четырех-шести стандартных недель и планировать, - или не планировать, - соответственно.

Говоря все это, я прихожу к выводу, что если способность Большого Альянса обнаружить Хасту не лучше, чем наша, и если мы сможем провести операцию до того, как "Майкрофт" начнет действовать, шансы на успех будут высоки. Я говорю это только при том понимании, что при ударе с такого расстояния будет нанесен некоторый сопутствующий ущерб. Каким он будет, я не могу предсказать, и Флот сделает все, что в его силах, чтобы свести его к минимуму. Но я хочу, чтобы тот, кто санкционирует Фабиус, ясно понял, что сопутствующий ущерб будет иметь место, независимо от того, насколько мы осторожны, и что с таким мощным оружием, как Хаста, любой ущерб будет серьезным."

"Хотел бы я хоть раз, чтобы у нас был военный советник, который не квалифицировал бы каждую чертову вещь, которую он говорит," - ворчал Натан МакАртни несколько часов спустя. Он сидел в кабинете Иннокентия Колокольцева и для выразительности помахивал стаканом виски. "А не мог бы хоть один из них хоть раз сказать нам, что сработает, а что нет?"

"Прости меня, Натан, но разве не так поступал Раджампет?" Тон Колокольцева был едким. "Я не верю, что это сработало так уж хорошо, не так ли?"

"Конечно, нет," - прорычал МакАртни, его лицо покраснело. "Но все-таки, Иннокентий... Он потратил чертовски много времени на установку якорей спасения, чтобы быть уверенным, что никто не сможет прижать его, если что-то пойдет не так! Нам нужна была твердая рекомендация, - да, конечно, может быть, если бы только, ну, это могло бы сработать, но..."

Он закатил глаза, выражение его лица было таким же раздраженным, как и его тон.

Колокольцев нахмурился от полной несправедливости критики. В словах МакАртни не было ничего удивительного, но слушать их было не особенно приятно. И сам Колокольцев не мог винить Кингсфорда в его осторожности. Если уж на то пошло, это была одна из тех вещей, которые он больше всего ценил в Адмирале. К сожалению, существовали факторы, которые не позволяли проявлять осторожность. Кингсфорд мог знать о некоторых из них, но Колокольцев сомневался, что ЦРУ знает обо всех.

Он потягивал виски, хмуро глядя в окно на закат в Старом Чикаго. Слишком многое происходило слишком быстро. Было слишком много угроз и, - наоборот, - слишком много возможностей... и слишком мало времени, чтобы изучить любую из них.

Все указывало на то, что Ассамблея одобрит поправку, которую разработали он, Квотермейн и Водославская, хотя подготовка к ней заняла больше времени, чем он предполагал. Сопrotивление систем-членов предоставить федеральному правительству право взимать фактические налоги было заложено глубоко в фундамент Лиги, заставить чьих-либо делегатов

подписать на изменение этого без прямого приказа из их внутренних систем было гигантской проблемой. С другой стороны, Манти подарили ему гигантскую дубинку. Панику, вызванную зверством на Мезе среди делегатов, трудно, если вообще возможно, переоценить. Мало кто пролил бы слезы, если бы с Рабсилой случилось что-то ужасное; несколько миллионов погибших гражданских лиц, большинство из которых, вероятно, вообще не имели никакого отношения к Рабсиле, были чем-то другим.

И тот факт, что Манти открыто нарушили Эриданский эдикт, независимо от того, что они утверждали обратное, был ужасающим, особенно учитывая растущее осознание того, что военная техника Большого Альянса была решительно лучше всего, что было у ФСЛ. В этих обстоятельствах его аргумент о том, что Конституция не является договором о самоубийстве, нашел благодатную почву. Это займет некоторое время, возможно, еще пару месяцев, скорее три, но в конце концов они дадут ему большинство, в котором он нуждался. Будут ли Правительства систем, пославших этих членов Ассамблеи в Старый Чикаго, чувствовать то же самое, это другой вопрос, но это также не имело значения. Как бы то ни было, как только поправка будет одобрена, избавление от нее снова станет монументальной битвой, в которой федеральная бюрократия будет иметь все преимущества.

Но с другой стороны, было дезертирство Баррегоса и тот факт, что Кингсфорд совершенно ясно дал понять, что если Манти действительно стоят за этой выходкой "Флота Автономного регионального сектора Майя", то флот ничего не может с этим поделать, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Майя была не единственным местом в Протекторатах, где назревали беспорядки. И, возможно хуже того, становилось очевидным, что Мантикора и Большой Альянс не будут единственным магнитом, тянущим Пограничные и Окраинные звездные системы из рук УПБ в конкурирующие политические объединения. У него все еще было недостаточно деталей, но целое скопление независимых пограничных звездных систем провозгласило новое образование, которое звучало гораздо более похоже на звездную нацию, чем простая "ассоциация коллективной безопасности", как она утверждала. Его аналитики, - даже Брэнди Спрейкер, - изо всех сил пытались собрать воедино детали этого "Фактора Ренессанса", но название казалось зловещим.

И все, что его люди знали об этом в тот момент, предполагало, что республика Маннергейм была движущей силой возникновения Фактора Ренессанса. Это было тревожно, особенно в свете того факта, что Силы обороны системы Маннергейм были намного мощнее, чем большинство пограничных флотов. Это означало, что Фактор Ренессанса может обеспечить своего рода зонтичную региональную безопасность, который ранее обеспечивало только УПБ.

А правительство, созданное соседями, людьми из их собственного региона, должно быть более привлекательным для неоварваров в Протекторатах УПБ, чем когда-либо было, кисло подумал он, глядя на МакАртни. И я готов поспорить, что Баррегос и как его там, - Хурскайнен, - это только первые снежинки зимы. Если мы не справимся с этой ситуацией в ближайшее время, докажем, что наш флот все еще восьмисоткилограммовая горилла, несмотря на любые временные неудачи, процесс только ускорится. Если уж на то пошло, некоторые системы-члены, которым не нравится новая налоговая поправка, скорее всего, будут искать безопасные убежища за пределами Лиги, чтобы избежать уплаты налогов. И если мы еще не показали, что можем заставить их вести себя хорошо....

А еще было видение Гвеона на цифры производства ракет Манти. Если бы они могли пойти, наладить ракетные линии, сбить Большой Альянс с ног в военном отношении так же, как монументальный провал Золотого Пика уже сбивал его с ног в плане общественного мнения, выиграть немного времени для новых разработок, таких как Хаста, чтобы уровниться на игровом поле...

"Я понимаю, что Кингсфорд не был в таком восторге от Фабиуса, как тебе хотелось бы, Натан," - сказал постоянный заместитель министра иностранных дел. "Если уж на то пошло, я бы предпочел, чтобы он сам излучал уверенность, полагая, что эта уверенность оправдана. Поскольку мы не знаем, что это так, я просто счастлив, что он сказал нам, что мы этого не знаем, вместо того, чтобы обещать нам галактику на блюдецке."

Тем не менее, я не думаю, что у нас есть выбор." Он глубоко вздохнул, выражение его лица было мрачным, когда МакАртни резко выпрямился в кресле. "Предполагая, что он сможет организовать операцию в пределах своего временного окна, - то есть в течение следующих шести стандартных недель, когда мы будем уверены, что "Майкрофт" не на позиции, - я думаю, что это может быть нашим лучшим, - возможно, единственным, - вариантом. Имейте в виду, - он поднял правую руку, предостерегающе вытянув указательный палец, - я не говорю, что мы запустим его. Не в этот момент. Но я собираюсь проинструктировать его, чтобы он начал планировать модифицированный Фабиус, с датой возмездия не позднее первой недели или двух января. Если мы не начнем организовывать все сейчас, у нас не будет возможности запустить его в этом временном окне, и мы всегда сможем все отменить, если это покажется целесообразным, когда мы подойдем ближе."

"Конечно, сможем!" Тон МакАртни был таким же сердечным, как и выражение его лица, но Колокольцева это не обмануло. Бессменный старший заместитель министра внутренних дел прекрасно понимал, что, как только операция запущена, отступление всегда проблематично.

И самое ужасное, мрачно подумал Иннокентий Арсенович Колокольцев, что этот никчемный сукин сын прав.

КЕВ Тристрам

Вестготский Терминал

и

КЕВ Артемида

Десятый Флот

Система Меза

" "Тезей" разрешает нам занять первое место в очереди на вылет, мэм," - объявила лейтенант О'Райли.

"Спасибо, Ванда," - ответила Коммандер Каплан и взглянула на Осию Симпкина, своего рейсонского астрогатора. "Ведите нас, лейтенант."

"Есть, мэм," - ответил Симпкинс, и Каплан откинулась на спинку командирского кресла, когда ее корабль "Тристрам" вошел в вестготский терминал.

Интересно, Осия чувствует себя так же... странно, принимая астрогационные данные от Тесея, как и я? задумалась она, наблюдая, как главный старшина Эндрю Доусон осторожно вводит свой эсминец в сложные гравитационные потоки терминала. Не то чтобы у графини Золотой Пик был выбор, я полагаю.

Флагманский линейный крейсер класса "Релиент" контр-адмирала Шуламита Онасиса плыл

вместе с остатками эскадрона линейных крейсеров 106.1 в трех с половиной световых часах от основной станции К8 системы Вестгот, занимая позицию на Вестготском терминале. Линейные крейсера казались карликами по сравнению с грузовыми платформами и платформами управления движением, сгрудившимися вокруг тунеля, но не было и следа оживленной торговли, которую эти платформы должны были обслуживать, и большинство платформ были так же пусты, как вакуум вокруг них.

На то была причина.

Вестготский системный контроль категорически отказался сотрудничать с КФМ по любым вопросам после "зверств Мезы", что, вероятно, никого не должно было удивить. К несчастью для Вестгота, это не удивило и Адмирала Золотой Пик.

Хотя вестготский терминал не был в первоначальном списке для Лаокоон-два, Золотой Пик поняла, что не может оставить его в чьих-либо руках. Если бы она когда-либо имела какие-либо мысли об этом, "зверство Мезы" изменило бы ее мнение, и она вежливо, но твердо завладела терминалом в течение двадцати четырех часов после отправки своего первоначального отчета Мантикоре. Теперь эскадра Онасиса, поддерживаемая контр-адмиралом Гуннаром Мальбуа и его эскадрой линейных крейсеров 19 флота Республики Хевен, бдительно висела над платформами, с которых правительство вестготской системы эвакуировало всех живых людей в знак протеста. Созвездие сверхсветовых сенсорных платформ покрывало сферу диаметром в два световых часа, центрированную на терминале, два НЛАК класса "Гидра" поддерживали линейные крейсера, а пара шестимиллионотонных транспортных судов ждала, чтобы развернуть подвески при первых признаках атаки Солариан.

Не то чтобы даже солли были настолько глупы, чтобы попытаться сделать что-то подобное, размышляла Каплан, глядя, как значки эскадрильи ЛАКов описывают дугу, пересекая ее сектор, направляясь к внешней оболочке пилотируемых платформ на расстоянии девяти световых минут. Даже они должны понимать, что никто не пройдет через этот терминал без нашего разрешения.

Ей не нравилась причина, по которой это было правдой, но, учитывая обстоятельства, она могла жить с этим.

Первые вызывающие тошноту предвестники гиперперехода на цыпочках прошли через ее живот, и она фыркнула от удовольствия, когда другая мысль поразила ее.

Как бы мне хотелось оказаться на борту "Арти", когда Адмирал и Зачинщик наконец встретятся лицом к лицу!

Дэмьен Харахап протянул руку, чтобы нежно погладить уши Надзирающего За Огнем, когда древесный кот переместился на его плечо. Коту не понравилось, что его человек настаивал на том, что разумнее всего оставить пульсер на борту "Тристрама" хотя бы на этот раз, но не по этой причине его мышцы дрожали от напряжения. Однако Харахапу было нетрудно догадаться, почему это происходит, и он сосредоточился на успокаивающих мыслях.

Было бы проще, если бы он не был так хорошо осведомлен о чувствах рыжеволосого зеленоглазого лейтенанта у пульта управления лифтом. Молодой лейтенант Арчер не был одним из поклонников Дэмьена Харахапа и казалось вероятным, что его отношение к флаг-лейтенанту отражало отношение графини Золотой Пик.

Надзирающий За Огнем издал очень тихий шипящий звук, и Харахап тряхнул головой.

Ничего подобного, подумал он изо всех сил. Нам нужно произвести хорошее впечатление на эту леди. Поверь мне на слово.

Надзирающий За Огнем не мог его "услышать". И он это знал. Но он надеялся, что древесный кот впитает "вкус" его мыслесвета. У него все еще были проблемы с осмыслением того, как все это работает, но успокаивающее присутствие, сияющее прямо за пределами его досягаемости в глубине его собственного разума, доказывало это. Теперь он открылся этому сиянию, обнял его и снова поразился осознанию того, что в галактике есть по крайней мере одно существо, которое искренне и просто любит Дэмьена Харахапа, несмотря на то, что точно знает, кто он такой... и что он сделал со своей жизнью.

Пока Надзирающий За Огнем не преподнес ему этот бесценный дар, он ни разу не позволил себе осознать, как отчаянно, - и как долго, - он этого хотел. Он не ожидал, что кто-то, кто не был принят, поймет, как работает эта связь. Впрочем, он и сам этого не понимал. Но он знал, что скорее умрет, чем позволит себе не оправдать ожиданий этого любящего присутствия.

Неудивительно, что герцогиню Харрингтон все это так забавляет, подумал он. Если кто-то и понимал, насколько хорошим... моральным тюремщиком будет Надзирающий За Огнем, так это она. И говоря об ироническом правосудии..!

Лифт остановился, двери открылись, и Арчер встал в стороне, поведя рукой.

"Сюда, джентльмены," - сказал он с безупречной, хотя и не слишком пылкой учтивостью.

"Спасибо, лейтенант," - пророкотал Антон Зилвицкий. Харахап ограничился благодарственным кивком. В конце концов, Пруденс предложила позволить Зилвицкому занять центральное место.

Арчер провел их по коридору к закрытому люку. Аккуратная табличка гласила: "Каюта для совещаний флаг-офицеров", и светящаяся лампочка на ее рамке указывала, что отсек был занят, но он открылся, как только Арчер нажал кнопку допуска.

"Пригласи их войти, Гвен" - произнес приятный резкий контральто, и Арчер кивнул своим гостям.

"Сюда, джентльмены," - повторил он и повел их в каюту для совещаний.

Там их ждали восемь человек и пара древесных котов.

Харахап изучал лица - человеческие и кошачьи, - пока они с Зилвицким следовали за Арчером к столу для брифингов в центре отсека. Адмирала Золотой Пик было легко узнать, учитывая ее цвет лица и поразительное сходство с Императрицей Елизаветой. Высокий, темноволосый, усатый Адмирал в хевенитском мундире справа от нее должен был быть Лестером Турвилем, а это означало, что древесный кот на спинке его стула, должно быть, Скрывающийся в Ветвях. Харахап поставил себе целью узнать имя древесного кота спутника командующего Вторым флотом.

Белокурая капитан, сидевшая слева от Золотого Пика, вероятно, была Синтией Лектер, ее начальником штаба, и это означало, что высокий, каштанововолосый капитан первого ранга рядом с Лектер Викторией Армстронг, флаг-капитан Золотого Пика. Он не был уверен, кто эта маленькая, крепкая бригадир морской пехоты, и не имел ни малейшего понятия о личности

старшего сержанта морской пехоты, стоящего позади Золотого Пика с еще одним древесным котом на плече, но он мог сделать хорошее предположение о двух гражданских.

"Мистер Зилвицкий, Мистер Грэхем и... друг, Миледи" - представил их Арчер, и Золотой Пик слабо улыбнулась.

"Спасибо, Гвен" - сказала она и наклонила голову. "Я рада видеть вас, капитан Зилвицкий."

"Я бы хотел, чтобы это случилось при других обстоятельствах, Миледи," - ответил Зилвицкий.

"Как и все мы," - согласилась она и повернулась к Индиане.

"Мистер Грэхем," - сказала она. "Добро пожаловать в Десятый флот. Коммодор Завала очень хорошо отзывается о вас, хотя, боюсь, я не совсем понимаю, - по крайней мере, пока, - почему вы присоединились к нам. Без сомнения, со временем все прояснится."

"Надеюсь, что так, Адмирал," - сказал Инди.

Она кивнула ему, затем посмотрела мимо Зилвицкого.

"А это, - сказала она с заметным отсутствием теплоты в голосе, - должно быть, печально известный Зачинщик."

Это было не совсем приветствие, решил Харахап и ограничился коротким поклоном в знак признательности. Надзирающий За Огнем, напротив, прижал уши при виде Адмирала, и Харахап почувствовал, как когти его нижних рук все глубже впиваются в подушечку на плече.

Одна из бровей Золотого Пика слегка приподнялась, и Харахап подавил желание поморщиться. Если кто-то, кто никогда не был принят, и понимал язык тела древесных котов, то это должна была быть Золотой Пик, учитывая десятилетия ее дружбы с герцогиней Харрингтон и Нимицем. И последнее, в чем они нуждались, так это в том, чтобы явная воинственность Надзирающего За Огнем вызвала у нее неприязнь.

В будущем.

Веди себя прилично! еще громче подумал он, обращаясь к коту.

"Однако, - продолжила Золотой Пик через мгновение, и суровое выражение ее лица сменилось широкой улыбкой, - прежде чем мы перейдем к причине, по которой мы с вами встретились, капитан, я думаю, что здесь есть пара человек, которые хотели бы поприветствовать вас."

Двое гражданских вскочили на ноги еще до того, как она замолчала. Это был невероятно красивый парень с зелеными глазами и длинными светлыми волосами, совершенно не похожий Виктора Каша, каким Харахап видел его на фотографиях, которые ему показывали. Женщина была почти так же мощно сложена, - для женщины, - как Антон Зилвицкий, хотя ей недоставало большей части его неоспоримой массивности, и если не считать некоторых обширных модификаций лица, она все еще выглядела довольно похожей на пресловутую генерала Палэйн.

"Антон!" - женщина заключила Зилвицкого в крепкие объятия, в которых ни один смертный не смог бы выжить. С другой стороны, отметил Харахап, он так же крепко обнимал ее в ответ, и его глаза были подозрительно влажными.

"Танди." Он покачал головой. "Рад тебя видеть. Я боялся..."

"Молчи." Она немного отступила, достаточно далеко, чтобы оторваться от него. "Кто-то должен был идти. Ты вытащил короткую соломинку."

"Да, но..."

"Молчи, я сказала!" Она снова встряхнула его, сильнее, и он улыбнулся. Затем он посмотрел мимо нее на светловолосого молодого человека.

"Виктор."

"Антон."

Несколько мгновений они стояли, глядя друг на друга. Молчание затянулось, но ни один из них не пошевелил ни единым мускулом, пока Палэйн раздраженно не фыркнула.

"Знаете, это совершенно нормально, признать, что вы друзья. Клянусь, глядя на вас двоих..."

Зилвицкий и Каша посмотрели на нее почти в унисон, затем снова друг на друга.

"Ну и черт с ним!" - сказал Зилвицкий. "Иди сюда, Виктор! Она разозлится и сделает больно нам обоим, если ты этого не сделаешь."

"Вероятно, ты прав," - сказал Каша через мгновение. Он шагнул к Зилвицкому, протягивая ему руку, но горец не обратил на нее внимания. Вместо этого он потянулся, обхватил обеими руками маленького, намного более легкого человека и обнял его почти так же крепко, как Палэйн.

Каша напрягся, его глаза расширились. Но потом этот острый зеленый взгляд смягчился, и он обхватил его руками, - неловко, нерешительно, возможно, но все же обхватил, - так сильно, как только мог.

"Вот это были бы голографические снимки для публикации!" - сказала Палэйн. Оба мужчины снова посмотрели на нее, и она усмехнулась, увидев выражение их лиц. "Боже, я могу запросить целое состояние! Черный Виктор обнимает капитана Зилвицкого, Ужас Космических Путей!"

Каша впился в нее взглядом, но гул смеха прокатился по каюте для совещаний. Через мгновение его собственный взгляд превратился в кривую усмешку, и он покачал головой.

"Настоящий профессионал, привыкший к плавным и тонким операциям, спланированным с исключительной тщательностью и продуманностью, - в отличие от грубой тактики "разбей и захвати", которой придерживаются простые морские пехотинцы, вы же понимаете, - имел бы наготове камеру," - заметил он.

"И ты за это заплатишь," - заверила она его.

"Я в этом не сомневаюсь," - сказала Золотой Пик. "И судя по всему, что я видела и слышала о нем, когда настанет этот момент, это будет значительная кармическая расплата. Но сейчас, боюсь, нам придется обратиться к другим проблемам." Она указала на три пустых стула, стоящих напротив ее местом за столом. "Почему бы нам всем снова не сесть и не приступить к делу? Насколько я понимаю, вы хотите мне кое-что рассказать, капитан Зилвицкий, Бич... - она

лукаво усмехнулась, - Космических Путей."

"И поэтому они послали Дэмьена и меня посмотреть, что мы можем раскопать" - закончил Зилвицкий свой краткий, четкий доклад минут через сорок. "Я уверен, что ваши люди из разведки копали как сумасшедшие, Миледи, но у нас двоих есть... определенный набор навыков, которые могут дать нам лучшие лопаты. И, честно говоря, у нас обоих есть очень личные мотивы, чтобы выкопать кролика герцогини Харрингтон."

"Понимаю."

Графиня Золотой Пик, как заметил Харахап, умела слушать, не прерывая. По его собственному опыту, это случалось не всегда, - и даже не часто, - со старшими офицерами. Но она сидела, откинувшись на спинку стула, время от времени делая пометки в блокноте, лежавшем у нее на коленях, и молча слушала, что говорит Зилвицкий. Капитан Лектер задала два вопроса, а бригадир морской пехоты, - бригадир Гибсон, - задала три. Гибсон, в особенности, была кратка, точна и понятлива, но Золотой Пик просто слушала, впитывая все это.

"Благодарю Вас, капитан Зилвицкий," - сказала она. "Это был один из лучших докладов, которые я получала. И он не был совершенно сырым. Мистер Каша и генерал Палэйн уже поделились с нами вашими статистическими данными, - по крайней мере, в определенной степени. Боюсь, что ни один из них полностью не понял нюансов, а я уж более," - она коротко улыбнулась. "Большая часть моей математики связана с тем, как быстрее все взорвать."

"Я могу, э-э-э, понять, что эти особые математические навыки не лучшие для осмысления моих подозрений, Миледи" - прогрохотал Зилвицкий со слабой улыбкой.

"Да," - согласилась она, но затем ее улыбка исчезла.

"С другой стороны, - сказала она, переводя взгляд на его спутников, - я не совсем понимаю, почему Мистер Грэхем и, - в особенности, - мистер Харахап здесь." Выражение ее лица стало полной противоположностью улыбке, когда эти глаза остановились на Харахапе. "Я полагаю, что ни один из них не является статистиком."

"Нет, Миледи, - согласился Зилвицкий, - и ни один из них не помещается ни в одну аккуратную ячейку. Вообще-то, Инди тут вроде как сам выписал себе штраф." Молодой серафимианин слегка покраснел, хотя и встретил взгляд Адмирала с похвальной твердостью. "Я думаю, что по крайней мере отчасти это его желание... присмотреть за мистером Харахапом. У них есть своя история," - добавил он с большим преуменьшением. "С другой стороны, у меня не было никаких возражений против его участия в миссии, какими бы ни были его первоначальные мотивы. У него нет никакой формальной подготовки, но он умный парень и, судя по всем отчетам, он действительно очень хорош, - хотя иногда проявляет немного чрезмерный энтузиазм." Он пожал плечами. "Такой человек, как он, всегда может быть полезен, и герцогиня Харрингтон отдала последний голос за включение его в группу."

"Понимаю. Хорошо, это объясняет прибытие мистера Грэхема, но, честно говоря, он не был тем, кто вызвал мои сомнения."

"Я не удивлен, Миледи. Но, как я уже упоминал ранее, Дэмьен, - использование его имени явно было неслучайным, - Харахап обладает собственными способностями, которые могут представлять для нас огромную потенциальную ценность. Мало того, его... предыдущая работа, скажем так, дает ему базу знаний, которой больше ни у кого нет. И, честно говоря, у него есть

свои причины желать, чтобы Согласие, - или, скорее, то, что герцогиня Харрингтон привыкла называть "сердцевиной луковицы", - вытащили на открытое место."

"О, я совершенно уверена, что у него есть" база знаний, которой нет ни у кого другого", - мрачно сказала Золотой Пик. "Я не совсем понимаю, почему мы должны доверять ему, - в свете того, что он делал, пока приобретал эту "базу знаний", скажем так."

"Если позволите, Миледи, - мягко сказал Харахап, прежде чем Зилвицкий успел ответить, - это очень хороший вопрос. На вашем месте я бы не доверял мне. Но, - он встретился с ней взглядом, - я думаю, у вас есть небольшой опыт доверия к древесным котам."

"Да, действительно," - согласилась она после короткой паузы. "Хотя древесные коты не всегда понимают "двуногих" и то, как работает их мозг. И хотя они обычно очень хорошо ладят с людьми, их понимание человеческих политических и социальных сложностей развито не так хорошо. Я должна задаться вопросом, как это может повлиять на их способность понять, где на самом деле лежит чья-то истинная преданность. Короче говоря, я могу представить себе обстоятельства, при которых даже они могут... ошибаться."

Надзирающий За Огнем застыл на спинке кресла Харахапа, его уши снова прижались. Харахап быстро поднял руку, но в этот момент спутник Лестера Турвиля издал короткий, резкий, безошибочно суровый звук. Золотой Пик повернулась к нему, и руки Затаившегося В Ветвях начали подавать знаки слишком быстро, чтобы все еще ограниченные знания Харахапа могли последовать за ним. Впрочем, некоторые знаки он все же узнал. Правая буква "Д", постукивающая по тыльной стороне левого запястья Затаившегося в Ветвях, пишущая "долг", и волнообразно вытянутая ладонь в углу его морды, выгибающаяся дугой наружу, чтобы произнести "петь".

Выразительное смыкание двух жилистых пальцев на большом пальце, говорящее "нет", и двух рук, каждая из которых показывает "S" около плеча, одна над другой, вытягиваясь и смыкаясь в "Д", чтобы написать "доверие". Там были десятки других, включая три, которые он узнал слишком хорошо: руки галочкой, обращенные друг к другу и дрожащие в знаке "игра"; руки треугольником, помещенные ладонью к ладони в знаке "С"; и согнутые ладонью вверх "5",двигающиеся вверх с трепещущими пальцами.

Он видел, как Турвиль фыркнул и прикрыл рот одной рукой, когда эта конкретная троица мелькнула в истинных руках Затаившегося В Ветвях. Даже уголки губ Золотого Пика дернулись. Но кроме этого, он понятия не имел, о чем говорит спутник хевенита. Он только понимал, что эта речь, казалось, займет довольно много времени, и что его истинные руки были очень выразительны.

Наконец он остановился, и Золотой Пик спокойно посмотрела на него. Затем она взглянула на древесного кота на плече старшего сержанта и выгнула бровь. Безмолвный вопрос вызвал в ответ лишь один знак, один из тех, которые Харахап научился распознавать: кивок, означавший "да". Золотой Пик еще мгновение смотрела на него, потом пожала плечами и снова повернулась к Харахапу.

"У вас есть... интересные адвокаты, Мистер Харахап," - сказала она. "Затаившийся В Ветвях был особенно убедителен в своих заверениях. Возможно, вы заметили, что он редко использует один знак, когда достаточно полдюжины." Затаившийся В Ветвях издал смешок, и она слегка улыбнулась. "С другой стороны, Альфредо, является очень немногословным котом. Я думаю, что он предпочитает позволить Затаившемуся В Ветвях тратить калории, чтобы донести сообщение."

Но послание, мистер Харахап, заключается в том, что вы не только не намерены предать нас, но и лично полны решимости найти Согласие по своим собственным причинам. Могу ли я спросить, что это за причины?"

Ее тон был легким, почти веселым, но ее глаза сверлили его, как пара лазеров. Он решил, что сейчас не время для увиливаний.

"Их несколько, Миледи," - сказал он, спокойно встретив ее острый взгляд. "Некоторые из них я еще не совсем понял для себя. Во-первых, эти ублюдки разыграли меня, и мне это не нравится. Во-вторых, я недавно обнаружил, что устал искать рациональное в содеянном, избегать последствий своих действий, просто игнорируя их. Я также могу честно сказать, что никогда не подозревал, какова истинная программа Согласия или как далеко она зашла. Но правда ли это?"

Он протянул руку и коснулся плеча Инди, даже не взглянув на молодого человека.

"Я предал Инди, его сестру, всех его друзей. В этом не было ничего личного, просто работа, как и десятки других работ, которые я делал раньше. И я знал, что смогу оставить все это позади, когда ударит молот. Но потом все полетело к чертям, и впервые в своей карьере я попался в собственную ловушку. Я видел все изнутри, а не в зеркале заднего вида. И я понял, что позволил себе любить этих людей намного больше, чем когда-либо должен был. Они были реальны для меня, люди, которые имели значение, и я полностью был готов оставить их, когда все рухнет, потому что это была работа."

В комнате для совещаний было очень тихо, и плечо под его пальцами напряглось. Он чувствовал удивление Инди почти так же, как если бы сам был древесным котом, но, возможно, на самом деле это было не так. Возможно, то, что он действительно ощущал, было его собственным удивлением, когда слова полились из него, и он понял, что каждое из них было правдой.

"Я не образец добродетели, Миледи. Я всегда гордился своими способностями и умениями, но никогда не позволял себе серьезно задумываться о последствиях того, для чего я их использовал. На Серафиме у меня появилась такая возможность. А это значит, я больше не мог не обращать на это внимание. Хуже того, ваши люди, - в особенности, герцогиня Харрингтон, - дали мне шанс... подтолкнули меня... сделать выбор. А потом был Надзирающий За Огнем."

Древесный кот слетел со спинки его стула, сел прямо к нему на колени, откинувшись назад, в то время как ярко-зеленые глаза вызывающе смотрели на всех, кто сидел по другую сторону стола.

"Согласие убило его сестру, ее семью, всех ее друзей, и он почувствовал ее смерть." Лицо Дэмьена Харахапа можно было бы высечь из гранита. "Он почувствовал, как она умирает. Я все еще только учусь обращаться с древесными котами, Миледи, но я узнал достаточно, чтобы начать хотя бы смутно понимать, каково это было для него, и никто, - никто, - никогда больше не сделает этого с ним или другим древесным котом."

Он был слегка напуган дрожью в голосе и огнем в глазах, но не отвел взгляда.

"Я многое должен многим людям, хорошо это или плохо," - сказал он адмиралу. "Я еще долго буду раздавать эти долги. Но я решил, что пора начинать, и не знаю лучшего места для начала. Мне говорили, что древесные коты всегда знают, если человек лжет, и учитывая то, что я видел в Надзирающем За Огнем до сих пор, я склонен верить этому. Так что позвольте мне выразить это самым ясным способом, который я могу выбрать. Пользуясь метафорой герцогини

Харрингтон, я взял доллар Императрицы Елизаветы и должен его честно отработать. Я всегда в это верил. Но на этот раз я пойду дальше. Впервые с тех пор, как я покинул Стартман, тридцать четыре стандартных года назад, у меня есть дом. У меня не было его с тех пор, как СтратоКорп забрал его, когда мне было семь лет. Теперь он есть, и он прямо здесь." Он нежно приласкал Надзирающего За Огнем. "И я убью любого, кто попытается отобрать его у меня снова."

Он остановился и откашлялся, чувствуя себя непривычно смущенным в абсолютной тишине, но его взгляд не дрогнул. Затем она взглянула на Затаившегося В Ветвях. Он выразительно кивнул, и настала ее очередь откашляться, когда она снова повернулась к Харахапу.

"Ну, кто я такая, чтобы спорить с группой древесных котов?" - хриплость ее голоса не дала обмануться капризным тоном. "Полагаю, это означает, "добро пожаловать на борт"... Играющий с Огнем."

<http://tl.rulate.ru/book/29436/629544>